

Литературная газета

№ 54 (545) ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Воскресенье, 29 сентября 1935 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕКРЕТ

«Костлявая рука нищеты, — заявил депутат польского сейма, — жатает все более широкие слои общества и сталкивает их не в ряды пролетариата, а в ряды люмпен-пролетариата. Во время войны хронической стала эпидемия сыпного тифа. Часть населения кормится хлебом из коры и лесных корней. Нищета перегрызает общественные связи». Капиталистический мир ввергает огромнейшие массы трудового населения в нищету, увеличивая с каждым днем армию недоедающих, голодающих людей, не имеющих никакой перспективы вырваться из этого состояния. С каждым годом понижается общий уровень потребления продуктов питания населением капиталистического мира. Чрезвычайно характерно положение в фашистской Германии. По данным германского конъюнктурного института, потребление продуктов сельского хозяйства на каждого немца в 1934 г. на 40 процентов меньше, чем в 1929 г. И только кровавая растапливание цен на продукты потребления уверенно поднимается вверх в странах капитализма.

Успехи социалистического строительства, — победа колхозного строя в стране социализма — отчетливо видны трудящимся мира, обеспечивая неуклонный подъем благосостояния трудящихся нашей страны, открывая путь к зажиточной, обеспеченной, культурной жизни. С величайшим подъемом и энтузиазмом рабочие, колхозники и все трудящиеся социалистической родины встретили опубликованное накануне постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) о снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. Это постановление свидетельствует о крупнейшем успехе второй пятилетки, достигнутых страной под руководством коммунистической партии и ее вождя т. Сталина.

Развернутое социалистическое наступление вызвало решительное сопротивление классовых врагов пролетариата. Мелкое, раздробленное, единоличное сельское хозяйство не могло поспеть за темпами индустриализирующейся страны. Спекулятивные элементы, сопротивляясь социалистическому наступлению, взвинчивали цены на продукты первой необходимости при обнаруживавшихся продовольственных затруднениях.

Партия и правительство ввели карточную систему снабжения продуктами населения, с целью обеспечения материальными благами кадрового состава строящегося социалистического общества. Таким образом возникло у нас двойное существование цен на продукты, пониженная цена на продукты, распределяемые в порядке нормированного снабжения, и повышенная коммерческая цена на продукты первой необходимости.

Победы первой пятилетки, укрепление колхозного строя дали возможность отменить карточную систему на хлеб. Это был первый шаг к отмене нормированного снабжения. Тов. Молодой на ноябрьском пленуме ЦК говорил: «Мы приступаем к отмене карточной системы, начиная с хлеба, и этим открываем широкую дорогу для развития пищевой торговли. В новых условиях и по-новому торговля и деньги должны служить делу коммунизма». Не прошло и десяти месяцев после решения об отмене карточек на хлеб, а мы уже имеем постановление об отмене карточной системы на все продукты питания. Это значит, что в области животноводства, как одного из наиболее трудных и отсталых участков сельского хозяйства в прошлом, мы теперь добились решающих успехов. Это значит, что у нас повысилась урожайность сахарной свеклы, выросла широко рыбная промысловость.

«Ликвидация карточной системы по мясу, жирам, рыбе, сахару и картофелю, — говорится в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), — должна устранить существование двойных цен — высоких коммерческих цен и слишком низких нормированных — и обеспечить установление единых для каждой области (республики) продажных государственных цен на уровне не ниже существующих коммерческих и нормированных цен». Отмена карточной системы, установление единой цены на продукты питания развернет еще больше товарооборот, перестроит советскую торговлю и укрепит наш рубль.

Снижение цен, неуклонно проводимое партией и правительством, поднимает реальную заработную плату рабочего и повышает благосостояние широких трудящихся масс. Именно поэтому трудящиеся нашей страны находят восторженные слова, посвященные историческому решению Совнаркома и ЦК.

Формируется завод «Серп и молот» т. Дудolini писал в редакцию своей газеты «Мартевновка»: «Правильные слова товарища Сталина, что у партии и ее руководителей нет иной заботы, кроме заботы о своем народе. Наши вожди живут тем же интересами, которыми живет народ! А т. В. Ермолова, работница мартевновского цеха того же завода, заканчивает свое письмо следующими словами: «Поживем, дождемся и еще больше удешевления продуктов. В такой стране, как наша, будут самые дешевые в мире продукты и товары!»

В решении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы и снижении цен на продукты отражены исторические победы рабочего класса, колхозного крестьянства, широких трудящихся масс. Это решение вызовет дальнейший подъем производительности труда и еще более мощное развитие народного хозяйства социалистической страны.

Товарищи Димитров и Куусинен в президиуме VI конгресса Коммунистического интернационала молодежи.

„КРАСНАЯ НОВЬ“

Как наиболее крупные не только по объему, но и по значимости вещи, напечатанные в этом году в «Красной Нове», редакция отмечает «Голубую книгу» Зошенко, «Последний из Удого» (III часть) Фалеева, «У Денра» Бергелсона и «Маршал от пятого дня» Большакова. В конце года будут напечатаны первая крупная повесть Лавраловича «Одна ночь», «Вот Москва» (продолжение) Никулина и две пьесы: «Далеко» Афиногенова, «Дубовая провинция» Светлова, «Китры глаза» В. Терасимовой, повести К. Финна, И. Катаева, 2 часть «Юности» В. Левина и т. д.

Возвращаясь к роману Бергелсона, следует указать, что повествование в журнале не является ни в какой мере случайным, но свидетельствует о все растущем внимании редакции «Красной Нове» к национальной литературе. Кроме этого романа, принадлежащего перу еврейского писателя, в 1934 году были напечатаны также стихи грузинских поэтов Т. Табидзе и Надирова, татарского поэта Ерикеева, будут напечатаны в номере десятом стихи армянских поэтов Чаренца, Алазаана, Норенца. Забегая несколько вперед, надо сказать, что редакция думает и в дальнейшем знакомить своего читателя с выдающимися произведениями национальной литературы, в частности в 1936 г. будет опубликован автобиографический роман Паоло Лидина.

Очень интересны переводные вещи этого года: получивший всесоюзное признание роман Арона «Вазельские колодки» и не менее популярный роман «Синолвы» Пэрл Бака. Редакция намеревается и дальше давать переводные вещи столь же высокого качества. В последних номерах этого года будут печататься повести Яноно, который был до сих пор известен советскому читателю как автор романов «Дневники» Родья и др.

Переходя к работе редакции с молодежью, нельзя не отметить, что в 1935 году бесспорно был годом известных достижений в этой области. Если уже в 1934 г. ни один номер журнала не выходил в свет без произведения молодого писателя, то в 1935 г. редакция выдвинула молодых писателей еще систематичнее, еще смелее, печатая, кроме рассказов, также и крупные вещи молодых авторов: роман Шубина «Третий фронт», «Париж — веселый город», Янына Гаузера «Роман Шубина», который зовет еще немалые споры, интересен и значителен по материалу. Охватывая 1928—32 гг., он описывает наши вузы на переделе. Того же типа вещь, принадлежащая также перу молодого писателя, будет напечатана в номере десятом. Но если Шубин имел еще некоторых предшественников, то автор «Волшебной» Э. Р. Родичев, описывающий женщину в колдовстве, поднимает буквально незаурядные пласты материала. Из молодых, которых выдвинула «Красная новь» в этом году, следует назвать еще Северова, Корфа, Шиншова, Самотек, пребывающий в редакции, колхозаев, кадры квалифицированных конструкторов ведут с ним работу. Ряд вещей прошел в журнал.

В отделе поэзии в 1935 г. «Красная новь» напечатала стихи Антокольского, Ушакова, Салтыкова, Сурикова, Голодного. Будут напечатаны в ближайших номерах вещи Кисранова, Демитиель и др.

Перспективы будущего весьма благоприятны: в 1936 году «Красная новь» напечатает четвертую, пятую и шестую книги «Последнего из Удого» Фалеева, новый роман В. Иванова «Кремль», новый роман Маршетты Шагинян «Вторая закон термодинамики», роман Ольги Форш о героической жизни Камо, военный роман В. Катаева, «Апостолы» Гл. Алексея, «Место под солнцем» Веры Инберг (не продолжение), но новое самостоятельное произведение того же цикла), пьесу в стихах В. Гусева «Утрамеч Мотыльков».

„НОВЫЙ МИР“

Редакция «Нового мира» считает, что некоторые трудности, которые испытывал журнал в этом году, являются отражением общих процессов, происходящих в нашей литературе. 1935 год был годом упорной работы писателей, работы, результаты которой начинают оказываться уже теперь. Только работа над материалом современности, только осмысление его в свете марксистско-ленинского статического учения позволяют писателю творчески овладеть новыми позициями. Именно такой процесс происходил в этом году, но при этом неизбежно были отдельные срывы, неудачи. Поэтому редакция «Нового мира» приняла была отложить или вернуть для переработки десятки крупных произведений. С другой стороны, сами писатели иногда, трезво учитывая недоработанность рукописей, задерживали их. Вместо 30 предполагаемых редакцией крупных произведений опубликовано было меньшее количество, и план журнала оказался выполненным всего на 80 процентов. В ближайших номерах будут напечатаны «Созревание плодов» Пильняка, третий том «Хожения по мукам» Ал. Толстого и может быть, вторая книга «Поднятой целины». Уже начал печататься в номере девятнадцатом роман Левова «Дорога на океан», объем в 30 печатных листов, продолжает печататься новый роман Лидина, и будет опубликовано до конца года еще 5—6 крупных произведений.

Значительно будет расширен отдел критики. В 1935 г. «Новый мир» собрал кадры для него, а в 1936 г. полностью развернет работу на этом участке. В критическом отделе будет поставлен ряд основных теоретических проблем нашей литературы; одновременно и критике будет уделено много места. Подробно будут освещены проблемы живописи, скульптуры, архитектуры, преимущественно на материале творчества советских художников, а также и на материале классического наследства. В первую очередь внимание редакции привлечет Греция, Рим, Возрождение и импрессионизм в живописи. Несколько статей будут посвящены музыке и театру.

Основным авторским активом критического отдела «Нового мира» в будущем году является Рожков, Стариков, Кириллов, Анисимов, Власов, Сысоев, Лебедев, Чемянов, Волков и др.

Отдел публицистики сохраняется в прежних размерах. Отдел науки несколько увеличивается.

Весьма серьезными вопросами для журнала «Новый мир» является вопрос тиража и объема. Журнал имеет 60 тысяч подписчиков и удовлетворит, в лучшем случае, две трети спроса, а может быть, и гораздо меньше. Не удовлетворяет редакцию и объем, который настолько суживает возможности журнала, что заставляет иногда отказываться от печатания вполне приемлемых вещей только по соображениям места. Не следует забывать, что «Новый мир» — единственный республиканский толстый журнал. Републиканность позволяет редакции маневрировать средствами и дает возможность пиरे практиковать писательские командировки и тем самым активнее воздействовать на тематику писателей.

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДЫ

VI ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ

На всех языках гремят песни лучших представителей революционной молодежи всего мира, собравшихся 25 сентября в Доме Союзов. За «Карманолой» следует «Бандера росса», вслед за ними выплывают «Песня Красного Веддинга», и все это неожиданно тонет в звуках «Интернационала», могучей волной взывающего над огромным Колонным залом.

В дождь появляются вожди Коминтерна — тт. Димитров, Пик, Куусинен. Нет конца восторженным овациям. Высшего своего напряжения достигают они в тот момент, когда открывающий Конгресс Раймон Гюйо, секретарь ЦК комсомола Франции, называет в своей вступительной речи имя человека, которое стало знаменем борьбы и побед революционного пролетариата всего мира — имя тов. Сталина.

В едином порыве поднимается весь зал. И снова буря восторженных оваций, ликующих возгласов завершается мощными звуками «Интернационала».

Да здравствует Сталин! Вив Сталин! Рот фронт! Слава вождю человечества, слава организатору побед революции!

С новой силой выплывает пролетарский гимн под сводами Колонного зала, когда тов. Гюйо называет имена двух славнейших соратников тов. Сталина, двух непреклонных борцов за освобождение трудящихся — тт. Димитрова и т. Тельмана.

Под аплодисменты делегатов в президиум избираются: Куусинен (ИККИ), Андерс (ИККИМ), Вальтер (Германия), Вернер (Австрия), Ван Имин (Китай), Вольф Михаил (ИККИМ), Викторич (КСМ Польши), Гюйо Раймон (КСМ Франции), Грин (КСМ Америки), Гранжон (КСМ Франции), Даниам (ИККИМ), Косарев (ВЛКСМ), Кунарт (КСМ Германии), Лайтфут (Америка), Ло-Ю (Китай), Масси (ИККИМ), Мишо (Франция), Митчелл (Англия), Микка (Италия), Портер (Америка), Прокофьев (ВЛКСМ), Су И-пин (Китай), Стойчев (Болгария), Салват (Китай), Табата (Япония), Торрес (Аргентина), Фриль (ИККИМ), Форслунд (Швеция), Чедофанов (ВЛКСМ), Эваристо (Испания), Янчик (ИККИМ), Ярослав (Чехословакия).

Вслед за этим зачитывается текст приветствия Конгресса тов. Сталину. Каждое слово дышет любовью и признательностью к тому, кто сумел твердой рукой повести одну из величайших стран мира к бесклассовому обществу, кто является инициатором и вдохновителем всех начинаний, обеспечивающих конечное торжество ленинских идей на всем земном шаре, кто своим личным мужеством, бесстрашием, неутомимостью и преданностью интересам всех трудящихся служит величайшим образцом для каждого революционера.

«В наших странах, во всех уголках мира, мы знаем Вас и то, чего Вы достигли... Наше поколение во всем мире завидует молодежи Советского Союза. Это потому, что политика великой партии Ленина—Сталина создала для нее радость и счастье, свободу и обеспечила ей светлое и многообещающее будущее. Мы тоже хотим радости и счастья, уверенности в завтрашнем дне и свободе.»

«Чужеза геронизма, гиганты социалистического строительства, созданные вместе с рабочим классом молодым поколением Советского Союза, вызывают у нас восхищение и гордость. Мы — ваше поколение, поколение Ленина—Сталина, поколение победы.»

Привет от Испоккома Коминтерна революционной молодежи передает тов. Димитров, поколение которого на трибуне встречается гласом аплодисментов, бурей радостных возгласов.

Он призывает к объединению всех сил молодого поколения для борьбы с фашизмом и угрозой империалистической войны. Он выражает свою «желание в том, что никакие реакционные силы не сумеют противодействовать этому фронту, как не сумели они помешать лучшим представителям революционной молодежи мира собраться в Москве для обсуждения стоящих перед ними задач.»

В приветствии, с которым затем Конгресс обращается к славному рулевому Коминтерна Георгу Димитрову, молодые бойцы революции заявляют: «Мы твердо решили создать организацию, которая отвечала бы потребностям молодежи и была бы подлинной организацией беспартийной трудящейся молодежи. Мы уверены, что преуспеем в этом, ибо мы знаем, что вы, как и весь Коммунистический Интернационал, уделяете работе нашего Конгресса самое пристальное внимание. Мы приветствуем тебя, как закаленного, испытанного бойца народной борьбы против фашизма и желаем тебе крепкого здоровья и долгих лет творческой работы. Да здравствует тов. Димитров — рулевой могучего Коммунистического Интернационала!»

С приветствиями Конгрессу выступают затем делегация рабочих и рабочихниц Москвы, юных пионеров, новой советской интеллигенции — молодых научных работников, инженеров, учлетов аэробику им. Корсава, которым от имени Конгресса отвечает тов. Голан.

Второе заседание Конгресса состоялось вечером 26 сентября. С большим количеством 3½ часа докладом выступил на этом заседании т. Куусинен, подробно рассказавший об итогах работы VII Конгресса Коммунистического Интернационала и о тех задачах, которые стоят сейчас перед мировым революционным движением и коммунистическими партиями всех стран. Бурными, долго несомлюющимися аплодисментами встретил Конгресс тов. Вальтера, зачитавшего приветствия Конгрессу от германской компартии, и тов. Мишо, огласившего текст приветствия, с которым Конгресс обратился к германскому пленнику фашизма — Тельману.

Все утреннее заседание 27 сентября и часть вечернего были посвящены докладу тов. Волфа Михаила об опыте работы КИМ в борьбе за единый фронт молодежи. С речью об опыте борьбы французского комсомола за единый фронт выступил тов. Раймон Гюйо.

Делегатам Конгресса был продемонстрирован ряд советских фильмов: «Чапаев», «Юность Максима», «Веселые ребята» и др.

Рис. С. Фикса

«Студенты Академии художеств».

АКАДЕМИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИРАНА

Крупным событием в научной жизни Ирана является создание Академии языка и литературы Ирана (Фархангеште), состоящей в конце этого года. Необходимое создание организации, авторитетной в вопросах языка и литературы, давно уже остро ощущалась в научных и литературных кругах страны. Решению иранского правительства об организации академии предшествовало течение за реформу персидского языка, наблюдавшееся за последние годы среди интеллигенции Ирана. Это течение особенно усилилось в 1934—1935 годах в связи с ростом национального самосознания. При этом под реформой языка почти всегда понималось очищение языка от иноязычных элементов. Вопрос же о латинизации алфавита, представляющий громадный барьер на пути распространения грамотности и ликвидации културного отрыва широких масс, никогда не находил большого числа сторонников. Однако и реформа языка, ограниченная только задачей очищения его от иноязычных слов, связана с глубокими изменениями в лексическом составе современного персидского языка, заключающего до 50 проц. арабских слов, прочно утвердившихся в языке и воспринимаемых говорящими как слова персидские. Если несколько лет назад течение языкового пуризма стремилось к очищению персидского языка от иноязычных слов вообще, то на практике привело только к замене персидскими словами ряда терминов, то за последние время оно начало приобретать иные формы, ставя перед собой задачу очищения языка не столько от европейских, сколько от арабских слов.

Другим фактором несомненно укрепившим организацию академии, была давно уже назревшая потребность иметь полный словарь персидского языка. Отсутствие словаря такого типа давно ощущалось в литературных и научных кругах Ирана. Существующие толковые словари значительно устарели, охватывали далеко не все области языковой культуры и заключали главным образом слова литературного языка, оставляя совершенно непокрытыми целые лексические группы.

Основная деятельность новой академии, по всем данным, будет направлена по линии реформы языка. Ее устав предусматривает оставление: словаря, введение в обиход новых слов и терминов, создаваемых по возможности на материале персидского языка, очищение языка

от несоответствующих иностранных слов. В области лексикографической намечена работа по собиранию производственных терминов, а также по подборке слов и идиом из старых рукописей. Наконец предусматривается составление грамматики персидского языка.

Вопрос о реформе алфавита упомянут в конце перечня задач академии, в пункте 12, предусматривающем пока что лишь изучение вопроса о реформе письма.

Большой интерес представляет включение в программу работ академии собирания фольклорных произведений — сказок, легенд, песен — и запись лирических. Значение этого станет тем яснее, если мы учтем то преобладающее отношение к фольклорным произведениям, которое продолжает существовать в кругах персидской интеллигенции. До сих пор в Иране не изжит еще взгляд на фольклорные жанры как на низшие и вульгарные жанры, резко отграниченные от художественной литературы, и не осознана неразрывная связь, существующая между устной и письменной стихами. Поэтому включение в устав академии пункта о собирании фольклорных произведений следует рассматривать как известный перелом в отношении к фольклору. Академия приступила к работе в начале июня. На первом заседании были избраны три комиссии: по составлению словаря, по составлению словаря персидского языка и собиранию слов, идиом и фольклорных произведений; и, наконец, по подготовке материалов к составлению грамматики персидского языка. Одновременно с этим за последние три-четыре месяца месячными списками было издано несколько директивов о замене ряда терминов, а также арабских и турецких названий должностей, чинов и управлений военного министерства и министерства внутренних дел чисто персидскими словами. Аналогичный циркуляр было сейчас предосказано, как будет развиваться в дальнейшем в области деятельности иранской Академии языка и литературы. Пойдут ли она по пути языкового пуризма или будет стремиться к очищению языка от всех иноязычных слов или будет проводить дифференциацию, учитывая, что громадное количество персидских слов вошло в массовый язык и сделало его равноправным с остальными, — покажет ближайшее будущее.

Р. ГАЛУНОВ

СЛОВА И ЧУВСТВА

А. П. ЧАПЫГИН

КНИГА СТИХОВ АНДРЕЯ АЛДАНА

Когда-то «Искра», отражая поэтические позиции революционных деятелей, представляла «чужую поэзию».

Парижи на «оливейных» стихах Шерринга, на туманных поэмах Майкова, на сладкой лирике Фета были неизменной приправой каждого номера.

Сторонники «ниших» жанров, защитники публицистического начала в поэзии прекрасно понимали, что речь идет не о поэзии, а о поэзии литературы. Удары по чувственным методам дворянской эстетики чередовались с осмеиванием ираклиевых объятий земной пошлости. Расширение поэтического формата этого рода была направлена на то, чтобы обогатить внутреннюю бессодержательность винюточной «классической» поэзии.

Одно время у нас возникли запоздалый эффект.

Отражение в «барским саломатов» поэзии, бабы капризной» привело к тому, что была взята под сомнение всякая лирика, не переведенная на язык политических лозунгов.

На самом деле социалистическое качество новой лирики является отнюдь не на вопрос об эстетике: оно определено новым отношением к предметам объектам лирического восприятия, новым крутоизломом, позволяющим по-новому ощутить в природе, в любви, в материнстве, в выдвигающихся старости. Терминология — лишь оболочка, а если за ней не скрыты новые чувства, лирические стихи сохраняют свою архивность.

Преимущество советского поэта состоит в том, что он обогащен новыми понятиями и новыми чувствами. Сила их измеряется в значительной мере способностью видеть, слышать, осязать жизнь. Потом не обязательно воплощение всего этого в конкретные чувственные образы: философская поэзия может быть достаточно выражена. Но поэт, абстрактно берущий новое, залезший себе в уши, не извлекающий ее из жезлов недр, всегда останется в неприятном положении книжного червя гложущего тома своих предшественников.

Можно найти много перхотавших строчек, риторических клише, нарочито ораторского красноречия в стихах В. Гусева, но нельзя отказать ему в главном: полноте токи действительности пронизывают их от строки до строки. Потому вторжение политических формул в его стихи не кажется нарочитым: им прокладывают дорожку наблюдения за жизнью. Стихи В. Гусева относятся обычно к разряду газетных фельетонов. Иногда неудачно пожимают плечами: почему несомненно талантливый поэт расстреливает себя на такую внешнюю поэзию? Но от этих критиков ускользает одно решающее обстоятельство: в стихах Гусева почти всегда можно обнаружить остротные элементы, фиксирующие вновь открытые поэтические темы и сюжеты.

Если В. Гусев пишет о чувстве гордости своей черной поэтической работой, то декларация сопровождается описанием календаря событий советской страны:

«Я плакал, встречая Димитрова,
И слез не стыдился я,
Я с академиком Бардиным
В Кузнецке плавила металл,
Я с каждым героем Союза
На его самолете летал.
И что ж, что моей фамилии
В числе награжденных нет,
Ведь сердце мое звенело
От каждой из этих побед...»

Когда он говорит:

«Что большевикским умом
решена
Седая загадка мужичкиной
жизни».

то этому предшествует колоритное описание колхозных «солотных» блинов.

Когда он пишет о «славе», то вводит читателя в экзаменационную комнату, где

«В нотных значках скрываются
Горе, любовь и счастье...»

Весь в книге В. Гусева и исключительно декларативные стихи, но в них вывод построен на обобщении простых жизненных образов, и Марк

и Лешак представляют не через поэтичные подмалювки, а в живой связи их мечты с жизнью.

«Грозных парнишек двадцатого века...»

Книга В. Гусева «Слова» при всей ее публицистичности пронизана конкретным познанием действительности. Вот почему его фельетоны в стихах продолжают жить вне газетного листа. Но есть в них один недостаток, ослабляющий выразительность: большая часть стихов, помещенных в книгу. Этот недостаток становится явным при сопоставлении первых разделов книги с «Вечером воспоминаний в самаркандском доме Красной армии» — в этом цикле дано восемь стихотворений разных жанров — от пестрого до небольшой поэтической новеллы. В них есть соразрочечность, локальный колорит, они географически определены. В стихах декларативных циклов слишком расширяются масштабы, слишком широко раскрыты объемы стиха, принимающего к тому же в его общем выражении, хотя бы автор и признавал множество иллюстраций.

В. Гусев может стать мастером публицистически острой поэтической новеллы. В стихах «Гарем» — превосходный юмор сюжета. Речь идет о гареме Курбаха:

И мы летим до нашей части,
Влезаем в родильный дом,
И мы по списку советской
власти
Грустный гарем сладем.
Советская власть разбирается
срочно
И, узнав из каких они мест,
Советская власть заявляет:
«Точка.
Отправить гарем в лижбаз».

У В. Гусева есть то поэтическое ядро, которое ирригет силу его поэтическим фельетоном, но у него нет этих умения не отглядывать в сторону от этих стереотипов, сердечных образов стиха.

В. Гусев мы говорили потому, что его пример прекрасно показывает, откуда вырастает право на думку высокой поэтической терминологии, на осмысление поэтической терминологии, на разговорный образ, поэтической ассоциации Мари Гарновской прозы иными поэтическими средствами. И в работу разоблачения прелюбных элементов высокой поэзии, прозаизации их лексическим, почернутым в так называемые «прозаизмы». В его книге, подчас виртуозной в отношении внешней стихотворной техники, — в этом смысле показательны стихи «В разрез Москвы» — происходит усиленная интервенция научной терминологии, технических обозначений и, особенно в переводе, публицистических формул. В его книге — намеренно огрубление речи, проводящееся в таком идущим от Маяковского фразам:

«У Кельского собора отпрет,
Готическую
славя бахрому,
Наивно уверая, что ее
Не переплюнуть больше
никому...»

«Дрожь, селок.
Вопи истошно «Тирю».

«Крут тебе, —
сказали рабству мы».

Но не это главная мажораль работы над словом, которую проводит Гарновский. Он хочет добиться научной внешности поэтических образов. Отсюда «сферидальная конура», «пестерны с разилом мауза истислены в нетто и бруто» даже такое словообразование: «расширяют хоаство» и дальше «спроизводит средства производства» или «сполуферро наверху цилиндрический завозлей».

Стихи М. Гарновского звучат, образы его своеобразны, темы в преобладающем большинстве уже не испытывают того развала с современностью, который был характерен для многих вещей «Иронического зала». И все же, хотя Гарновский всегда точно осмысливает на географическую точку, на конкретные примеры того явления, которое он описывает, его стихи протестуют против какой-то думки книжных ассоциаций. Словарные пошества М. Гарновского, его проливание в гущу стиха новых терминов,

и понятий исходят не на напыленные живые впечатления, а на рационалистическое перемещение канонов «высокой» поэзии. Он судит их трибуналом отвлеченной мысли. Не живая выкорчевывается, вытесняется в нем запоздалая амнезия вечности, лирической обобщающей силой: в прежнем поэтическим приемам приложив комментарию книжных выводов. Легче всего установить это на примере самого значительного у нас цикла стиха, получившего у нас широкую известность — «Фельетон X (чуть)». Как только от объективности параллелизм между гневом и архитектуратором, навигатором и плотной, автором и жуком автор переходит в общении, к умножению техники на чутье, в стихах рождаются нелепые строчки:

«Мы — свой мир осознавшие
зери,
Мы — совет мировых воротил,
...Ну а ты, позабывший о боге,
Притеснитель с'евший жисьем...»

Строка вырастает отсюда? От перемоста поэтического иррационального, книжного путем. В результате тонкий и хорошо владевший формой поэт переходит на лексикой персонажей Зоенко.

Проблема словесного состава нашей поэтической речи не может быть решена путем возврата к «классическим» формулам. «Розоцветная Аврора» бессильна вызвать у нового читателя, даже если он превосходно знает мифологию, нужные ассоциации, ибо круг его представления о природе совершенно иной, образ, вынутый из всего речевого строя, теряет необходимую точку опоры. Но словесное экспериментаторство не может идти от каприза поэта или от запаса его возвращенных книгой представлений. Даже путь Пастернака вбирает в свою мажораль руды и реки живого языка нашего времени. Развитие о научной терминологии, о публицистике в стихах до сих пор вызывает обычно с проблемой сохранения поэтической простоты. Нужна поддержка: другое: поэт должен строить свое здание ограниченным количеством жизненного материала: когда формула включена в цепь жизненных представлений, она получает необходимые поэтические связи; когда она продутована сверху, она висит, как сорванная с дерева ветка, как бы старательно ее ни кропили изысканными эпитетами и метафорами... Ворья за поэзию высокого качества неизбежно становится борьба за поэзию глубокой разведки, точности знания действительности, прямого влечения ее.

Н. ОРУЖЕЯНИКОВ.

Монография Б. Вальбе о Чапыгине выгодно отличается от многих произведений критической литературы вниманием к индивидуальным особенностям изучаемого писателя.

Вместе с тем критик стремится использовать эти особенности в свете большой историко-литературной перспективы.

Своеобразный антиураган, крашеивающий произведения Чапыгина в первый период его творчества, был явлением сложным. Он связывал Чапыгина с так называемой «крестьянской школой» в литературе, а также с модернизмом и символизмом. Но, в отличие от Л. Андреева, например, антиураган Чапыгина вырастает на реалистической основе, а в социальном смысле является протестом против калечащего воздействия города на вышедшего на деревню — этих постоянных героев ранних вещей Чапыгина. Вальбе стремится связать этот протест с т. н. «экономическим романтизмом», но в такой непосредственной форме, в какой эта связь проводится в рецензируемой монографии, она едва ли является убедительной. Вальбе показывает, что Чапыгин сохраняет полную самостоятельность по отношению к народническим-крестьянским традициям. От школы Златовратского Чапыгина к самому же началу отличает его отношение к натурализму, тяга к гротеску как основному средству изображения, а также особенности языка.

Все эти черты обеспечили Чапыгину совершенно особое место уже в дореволюционной русской литературе. Собственно крестьянские произведения Чапыгина отличаются от всего «крестьянского крыла» предельноционной литературы способностью художника изображать стихийный протест крестьянства против социальной кабалы, а также его ужас перед грешным ему разорением.

Однако, установившая эту особенность, Вальбе напрасно перегибает палку. Он пишет: «Чапыгин тем и отличался от Бунина и Чехова, что, издавая, подобно им, мрачный колорит дореволюционной деревни, он в то же время умеет видеть истоки этого непривлекательного быта не в мужичиной «субстанции», а в «стопадене купоне», то-есть во всей системе помещичье-капиталистического хозяйства» (стр. 74).

Эта цитата может внушить предположение, будто Бунин и Чехов —

Госгизтаблат, Ленинград, 1935, 144 стр., тир. 4.300.

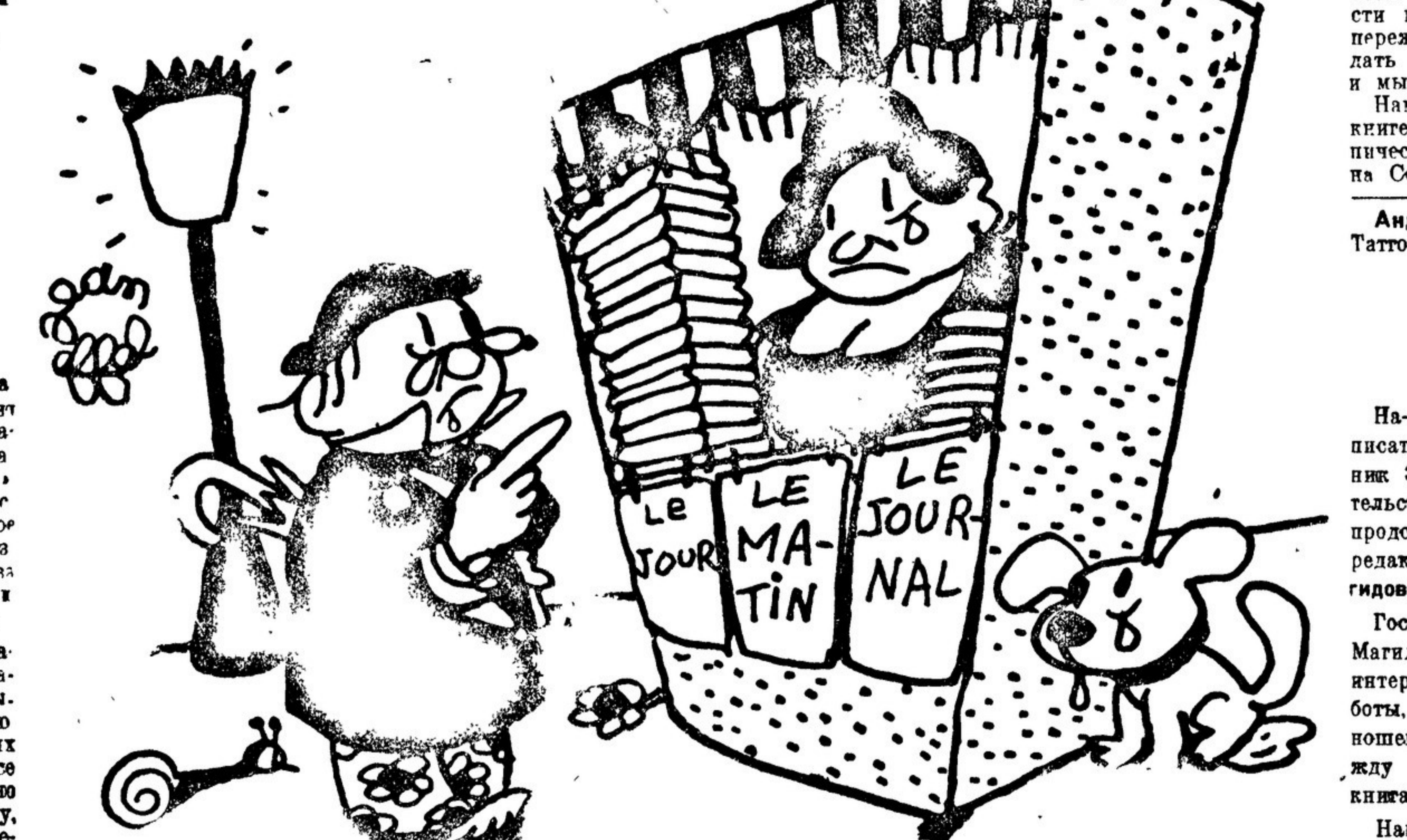
современники столяпинских реформ — не видели связи между дифференциацией деревни и ее вырождением. Между тем это представление далеко не соответствует истине.

В стремлении Чапыгина прочно опереться на могучую и богатую фольклорную основу народной речи и народное мироощущения Вальбе игнорирует важную причину, которая должна была постепенно привести писателя к широкому историческому повествованию. «Степан Разин» и является осуществлением этого стремления. Анализ этого романа критик посвящает добрую треть своей книги. Однако в этом анализе есть крупное противоречие. Подробно рассматривая содержание романа, Вальбе приходит к заключению, что хотя Чапыгину и удалось в изображении личности самого Разина отойти от худших традиций буржуазно-дворянского историографии, он тем не менее не освободился до конца от влияния. Это нашло свое выражение, по мнению Вальбе, прежде всего в общей трактовке самого движения Разина, Фигурата атамана чересчур выдвинулся на первый план и ущерб тем народным низам, которые составляли массовую основу движения.

Отсюда некоторая романтическая идеализация самого Разина, особенно нарастающая к концу романа. Вальбе говорит: «не воображая социально-экономических корней этой ненависти к воеводам и боярам, не показывая явно крестьян и «напиралов» — основных движущих сил революции, Чапыгин компенсирует читателя колоритными «рисунками» городов, речным своеобразием эпохи, живописной «экзотикой» (стр. 133). Смысл этих упреков совершенно ясен. Он сводится к тому, что внешняя, декоративная сторона революции заслоняет от Чапыгина его классовую основу. Мысль эту Вальбе много раз повторяет на разные лады. Если эти упреки справедливы, то непонятно, каким образом Вальбе в «Заключении» может писать что «Степан Разин» — произведение, отмеченное «полными историческими панорамами массовой борьбы классов» (стр. 141). Можно пожалеть также, что критик не попытался показать место, занимаемое «Степаном Разиным» среди других произведений советского исторического жанра.

Ю. ОСТРОВСКИЙ.

Карикатура художника Эффеля для «Литературной газеты»

— Почему у вас столько газет не продано?
— Потому что мы торгуем только «проданной» прессой.

Советский читатель очень любит стихи. Но как часто он откладывает в сторону книгу стихов, где на обложке рядом с неизвестным именем поэта стоит марка областного издательства. Нельзя сказать, чтобы такая предвзятость всегда была бесспорно исчерпывающей. Многие сборники стихов молодых поэтов, выпущенные издательскими учреждениями, не способствуют развитию у читателя чувства любви к поэзии.

Нам кажется, что практика издательства в послевоенный период обещает похорошеть. Это предвзятое мнение читателя о качестве стихов молодых поэтов, издаваемых не в Москве.

Перед нами книга стихов молодого, еще неизвестного автора, изданная в Казани. Мы не берем на себя смелость говорить о ней как о событии. На основании десятка с небольшим оригинальных стихов и около десятка военных переводов, вошедших в эту книгу, нельзя делать таких ответственных заключений.

Несомненно одно: это книга стихов поэтических, интересных. Интересно возбуждается не столько факта, а поэтический полет и законченными выражением чувств. Это цикл лирических стихов, объединенных внутренне одним лейтмотивом.

В лучших из этих лирических стихов («Песня», «Осень», «Сад», «Другу», «Дочери», в волею переводе стихотворения «Три дочери») бросятся в глаза светлые, живые и свежие образы. Сильная сторона стихов Алдана — живность их изображений, в полнокровной жизни красок и в языке, колоритном и свежем. Язык его стихов производит впечатление чистоты и силы, за которыми стоит острота жизненных впечатлений. Поэтому он свеж.

Живость, о которой мы говорим, прежде всего — живость чувств. Мы позволили себе процитировать здесь кусок из стихотворения «Сад», в котором этот характер языка и характер живости стихов Алдана проявился достаточно выразительно:

«Я шел назад по улицам пустым...
Седлая мгла. Вытащивались тени.
И злая провинция постепенно
Устала, промокшие деревья,
По пояс погруженные в зарю.
Я растворился мог. Я мог войти
В громады покрашенного стекла,
В поощре деревья, в сладкий
звон
Тяжеловесных капель дождевых...
Я повторяю вполголоса —
люблю!».

На какие стороны действительности обращено поэтическое внимание автора? Какие мотивы выдвигает «Книга стихов Алдана»? Эти вопросы для нас являются важнейшими при оценке поэтического качества стихов. Если задача этического поэта — давать типические характеры в типических обстоятельствах, то задача реалистической лирики — прежде всего в том, чтобы раскрыть, вынести на свет из хаоса ощущений и переживаний типические чувства, дать образ и звучания настроений и мыслей, характерных для масс.

Нам кажется, что Алдану в его книге удалось выразить одно из типических и новых чувств гражданственности Советской страны. Мы говорим о

Андрей Алдан, «Книга стихов», Таттосгаздат, Казань, 1935 г.

ШАРЛЬ ВИЛЬПРАК И ХУД. ЭФФЕЛЬ В ДЕТСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

На днях, перед отъездом в Париж, писатель Шарль Вильпрак и художник Эффель посетили Детское издательство при НК ВЛКСМ, где имели продолжительную беседу о главных редактором издательства т. М. П. Магидовичем.

Гости подробно расспрашивали т. Магидовича о работе издательства, интересовались принципами его работы, писательскими кадрами, соотношением в издательском плане между классической литературой и книжками современных писателей.

Наибольший интерес вызвала работа дошкольного отдела. Шарль Вильпрак и Эффель были очень удивлены, узнав, что издательство выпускает дошкольные книги в количестве

50—100 тысяч экземпляров. Средний тираж детской книги во Франции, по их словам, не превышает тысячи экземпляров. Их поразили цены на детские книги:

— Неужели это прекрасная книга стоит почти столько же, сколько коробка папирос? — сказал Вильпрак, рассматривая «Сказки» Чуковского с иллюстрациями Каневского. Во Франции, говорят гости, детские книги очень дороги и доступны только ребяку из обеспеченных семей.

Промаясь, Шарль Вильпрак сказал, что не несколько книг, которые он получил в подарок от издательства, он использует в Париже как иллюстрацию к лекциям о своей работе по СССР. На материале беседы писатель предполагает написать статью о воспитании детей в Советском Союзе.

Условно эту роль можно определить как режиссерскую.

Дачная Россия в момент объявления войны, Петроград в спекулятивной лирической шестнадцатого года, интеллигент, лезущий черной биркой, крупные финансовые воротилы, полудитки, обыватели зеленая молодежь — все это с разной степенью четкости отражено в романе Маричи. Затем в него входит сквозная революция новые стороны недавнего прошлого открываются перед читателем, — и с такой же уплотнением, с такой же и прежней разносторонностью общего исторического раз-

«Это — роман о разошедшейся семье, о распада родной крови, о наказанной умной и сильной обманщице своего времени, о ее отце, о подруге ее детства, о ее трех разных дочерях, о ее молчаливом, но слишком умном но правдивом муже, о бесполом и потому обобщающемся в эпоху красивой наружности о большом и честном художнике о другой женщине, молодой и нечестной которой, однако, ухватилась устоять»

Доверчивый читатель воспримет эти слова как некий ключ к содержанию романа. Читая ваята из его первой страницы, где автор сообщает «самые общие сведения о героях». Затем следует кусочек сюжета, переставленный в начало романа из его сведений и потому внутренне не совсем связанный с содержанием романа. Читатель не может не заметить, что в начале романа есть в нем много неясного. И только вторая глава, в которой рассказывается о тирольских гусах, о дешевой яловичине и о записной книжке Соколова, вовлечет читателя в содержание романа. Читатель не может не заметить, что в начале романа есть в нем много неясного. И только вторая глава, в которой рассказывается о тирольских гусах, о дешевой яловичине и о записной книжке Соколова, вовлечет читателя в содержание романа. Читатель не может не заметить, что в начале романа есть в нем много неясного. И только вторая глава, в которой рассказывается о тирольских гусах, о дешевой яловичине и о записной книжке Соколова, вовлечет читателя в содержание романа.

прогнозировать, подсмеиваться — и все это во имя того, чтобы связать куски своего замысла в единое целое. Потому что и в этом случае, как в случае других деловых приемов, авторские высказывания на веру. Потому что роман Маричи гораздо сложнее, глубже, значительнее, чем он представляется по приведенной характеристике автора. Но также и потому что, не вполне справившись с огромным материалом автора, довольствуется иногда всего лишь формальным разрешением творческих трудностей.

Роман Маричи внутренне неоднороден. В нем много героев, несколько тем, меняющаяся манера изложения. Он начат — если принять за начало полновесные истоки его главной темы — как выдержанное в объективном тоне повествование об удачливом и настойчивом «густянике» Соколове, которому счастливые обстоятельства и приобретательский инстинкт помогают «выйти в люди». Лучшее время конца прошлого столетия, провинциальная косная жизнь заданных временем своей бесполой чужести десятилетий и выластающей из милого скупщика в крупного капиталистического хищника Соколова — все это показано Маричичем конкретно-образными, точными средствами. Реальные субструктивные элементы автора в планы протекающего действия романа воспринимает как нечто случайное и необязательное. Он эти авторские сколько угодно оброненные замечания о судьбах героев или о своих писательских затруднениях, нужны не столько для того, чтобы привести что-то новое в раскрытые темы,

сколько для того, чтобы подготовить читателя к такому повороту этой темы с которым будет сопряжен переход автора на новые стилистические поэзии.

Оказываются Наум Соколов, который достигая в романе такой полноты художественного воплощения что его, как живого человека, можно трепать по плечу, совсем не является его главным героем. Начиная с одной из страниц, «на первом месте в книге выходит дочь Соколова — Белла». И сразу меняется весь художественный строй романа и весь пол-дуртут, чем прежде. звучат в нем иронические интонации автора. Характерно, что здесь Наум Соколов становится лишним. Раз или два он возникает на страницах романа, но уже как случайный персонаж, а потом и окончательно — при помощи лаконичной справки о его будущем — списывается из числа действующих лиц.

Но и Белла которая должна быть центральной фигурой романа, уже не в силах сыграть эту роль. Дело здесь не в том как полагает один из критиков, что она сама по себе недостаточно содержательна. Образ ее семьи, как она продолжалась как семья хроника, если бы в нем было что-нибудь, подобное святой логики «Вулдерпрок» или «Фарватер», то не никакое сомнения, что и образ Беллы был бы по своему значительнее. Но в романе Маричи происходит кардинальное переименование. Внешний мир который замыкает судьбу Соколова колом причастных к его жизни событий, раскрывается вдруг во всей широте. История, которая «делалась» за кулисами романа,

выступает теперь рядом с его действующими лицами. И прежде, чем им довериться согласно задуманной темой романа распадался, уже связываясь герои романа, ослабевают, разваливаются и рвутся под огромным давлением исторического материала.

Выпавшая на одной, до конца не осуществленной теме. Была не на колесе своего определенного места и в рамках другой. Роман продолжается по существу без главного героя.

Нельзя сказать, что кроме Наума Соколова в романе С. Маричи нет интересных человеческих образов. Однако человек, который пытается добиться культурной экспантации, людских лесов в столкнувшись с тупым чиновничьим равнодушием, мы уже упоминали. Эта как будто бы и маленькая в общей масштабности романа, фигура с предельной ясностью иллюстрирует своей судьбой печальную участь талантливых людей в условиях самодержавия, людей, опереживших своей работой, наделенных инстинктивной но лишенных творческого понимания действительности.

По мере того как рамки романа раздвигаются, увеличивается и амплитуда действующих лиц. Наум Соколов уже перестал быть его героем, а Белла все еще не стала героиней и неизвестно, будет ли она еще в дальнейшем. Зато чрезвычайно выросла в своем значении второстепенные герои романа, и уже сам автор вынужден поделиться с читателем своими по этому поводу сомнениями.

Во все второстепенных персонажей одинаково удалось Маричи. В амнезии призрачности недавних качеств проходит через несколько страниц романа подружка Беллы Со-

РОМАНЫ С. МАРИЧИ

Такова композиция романа. Но в силу того же не она может быть полностью и не для того, что С. Маричи столь настойчиво и подробно возвращается к своему «исключению», чтобы уложить их в конце концов в самую обыкновенную форму. Слова и снова он будет разговаривать его героев, вспоминать,

супка Маричч рассказывает о том 17-м и 18-м.

«Если бы все это было только рассказом, романа не получили бы: получили бы ряд параноидных и насмешливых приметами эпохи зарисовок, на фоне которых протекать несколько человеческих жизней».

Роман получил. Маричч убрал из него историческую конкретику, оставив факты в их конкретной сущности. Как много в «Семье» страниц, где не прояснено имя, не назван термин, не проставлена дата — и тем не менее чувствуется все историческое своеобразие того или иного события. Это позволило Маричи более тесно связать действующих лиц романа с окружающей их средой. Маричч широко использовал прием переставления эпизодов и сцен, жесткие комментарии, опережающие реальное развитие действия. Это дало ему возможность сблизить теоретический план романа с конкретными фактами. И наконец, Маричч в делем красочными иронией и курьезными авторскими отступлениями свое отношение к прошлому, о котором он рассказывает. Это и оказалось самым важным в романе. Появился если не герой, то некоторое его подобие.

Живая творческая личность автора, намонавшая о себе то пыльными заголовками глав, то расхаживаниями о сочинителях военных маршей, то публицистической иронией блестящего рассказа и «капляте в неизвестные солдаты» и является внутренней осью романа, которая прочнее чем всякие иные еще не выходящие тематически закономерности, объединяет его операвание.

ГЕРМАН ХОХЛОВ.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

В ПУТЕШЕСТВИИ

О, пристань тихая рабочего стола, Где рифмы спят еще, как якоря под ними, Где мысли мечтами возносятся прямыми...

1

Мы долго плавали, мы видели чредой Пылины кактусы, банана плод узорный, Голубицу лагу на фоне бурч черной...

2

И в беспокойный, стоячий порт Нас, гневных, вскоре вал принес высокий: Смеется город, и теснятся в доке Руки к рукам и к борту — каждый борт...

3

Выпущенная недавно союзом программа для литературных кружков является важным шагом в улучшении работы с начинающими писателями...

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ

1934 г.

Перевел с украинского ИГОРЬ ПОСТУПАЛЬСКИЙ

Надо, наконец, смелее расширить круг лиц, привлекаемых к этой работе, за счет лучших преподавателей литературы в школе...

Вышло только четыре номера «Литературной учебы». По этим книжкам трудно судить о том, в какой мере справился журнал со своими основными и ответственными задачами...

В первую очередь «Литучеба» должна была дать ряд статей и материалов по важнейшим разделам программы и обеспечить тем самым подлинную учебную работу кружков...

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

Не видно пока и какой бы то ни было системы в публикации материалов. Связного представления о каких-либо литературных процессах участия кружка — читатель этих номеров журнала — не получает.

В единственном номере для нашей периодики отделе «По литературе» даны интересные разборы творчества начинающих писателей (статьи К. Горбунова, А. Сурикова, М. Голубиной и др.).

Г. БРОВМАН

Однако мало составить даже отличную программу. Нужно обеспечить еще ее практическое применение. Именно в этом сейчас сложность вопроса. Пусть предложенная сейчас союзом писателей программа и имеет ряд немаловажных недостатков...

Сложность и специфичность программы и характера учебно-воспитательной работы в литературном кружке определяет сложные и специфические задачи, стоящие перед руководителем кружка, его центральной фигурой.

*) Программа для литкружков. Под редакцией В. Стасюка. «Советский школьник», Москва, 1934.

ГЕРОИ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛЬШИ

С. ЛЮДКЕВИЧ

Значительная и художественно наиболее ценная часть молодой польской литературы, отражая настроения грядущих масс и интеллигенции, смело обнажает язык сегодняшней системы Польши, а передовой ее отряд в ярких образах показывает разочарование грядущих масс в интеллигенции независимой буржуазной Польши...

Первый значительный удар за литературного лагерь польская буржуазия получила от верного соратника Стефана Жеремского, который в своем предельно-революционном «Капи» называет за гол до финишного переворота отобразил банкротство своих собственных социал-патриотических идей...

Новый, основной герой молодой радикальной польской литературы, стремившейся к развенчанию националистических и литературных легенд Польши, это — батрак, крестьянин, рабочий и интеллигент, чаще всего старый член социал-патриотической довоенной ППС...

Сарказмом констатирует Войцех, что боролся он лишь за то, «чтобы не казал то австрийская или русская сволочь была по морде, а своя собственная, родная», за то, чтобы тот же шпик из царской охранки и тот же царский тюремный надзиратель, оставленные, как поляки, на польской службе, делали из него, в независимой польке Польше обывок и арестовывали его...

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Герой нового романа Круковского «Перья Павла», посвященного польской деревне до 1914 года, батрак Карч, идет в ППС, в легионы Пилсудского и зовет к ним батраков и крестьян, ибо он верит, что восстановленная Польша «устранит вековую несправедливость» и даст крестьянам землю...

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

Не видно пока и какой бы то ни было системы в публикации материалов. Связного представления о каких-либо литературных процессах участия кружка — читатель этих номеров журнала — не получает.

В единственном номере для нашей периодики отделе «По литературе» даны интересные разборы творчества начинающих писателей (статьи К. Горбунова, А. Сурикова, М. Голубиной и др.).

Надо думать, что следующие книжки журнала представят больший интерес для начинающих писателей и для руководителей литературных кружков. Нельзя забывать, что в системе учебно-воспитательной работы с молодыми писателями журнал «Литературная учеба» должен играть важнейшую роль.

Поет бросил шесть горюющих толчек на четыре строки, и стихотворение остановилось, точно врытое в землю. Пульса мотора прерывист, стечкообразен.

Конструкция лирического стихотворения не стремится скрыть за непрозрачными стенками, «кожухом», прерывистость, неровность, полчасе даже перебивают своего диктанта. Самая задача лирика — раскрыть затененное, сделать стенки прозрачными.

В первом варианте «Гулливера» (рукосоплом) читает: И снова Гулливер стоит, сутулясь, Пасмом на тучу тучко опершись.

Во втором (где лирику удалась добиться прозрачности стишка): И снова, Гулливер. Стоит. Сутулясь. Плечом. На тучу. Тяжко. Опершись.

Полобно другим крестьянам и рабочим, под влиянием революции 1906 г. Каржиска вошел в ППС, в боевую организацию, поверив в призывы вождя, что прежде всего необходимо добиться свободы, независимости отныне, прогнать царя и его слуг, а независимая отныне воцарится в стране буржуазия...

И только в 1935 году перед лицом острейшей батрацкой нужды, угрозой голодной немощью крестьян, старым, изможденным Каржискам, да что в собственной Польше, за которую он боролся, стало лишь хуже...

Разочарованному Каржиску казалась, что ничего уже изменить нельзя, что все останется, как всегда, старому, но когда в заключительных сценах романа он, при встрече с помещицей, посмотрел в старящие глаза...

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Герой нового романа Круковского «Перья Павла», посвященного польской деревне до 1914 года, батрак Карч, идет в ППС, в легионы Пилсудского и зовет к ним батраков и крестьян, ибо он верит, что восстановленная Польша «устранит вековую несправедливость» и даст крестьянам землю...

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

Не видно пока и какой бы то ни было системы в публикации материалов. Связного представления о каких-либо литературных процессах участия кружка — читатель этих номеров журнала — не получает.

В единственном номере для нашей периодики отделе «По литературе» даны интересные разборы творчества начинающих писателей (статьи К. Горбунова, А. Сурикова, М. Голубиной и др.).

Надо думать, что следующие книжки журнала представят больший интерес для начинающих писателей и для руководителей литературных кружков. Нельзя забывать, что в системе учебно-воспитательной работы с молодыми писателями журнал «Литературная учеба» должен играть важнейшую роль.

Поет бросил шесть горюющих толчек на четыре строки, и стихотворение остановилось, точно врытое в землю. Пульса мотора прерывист, стечкообразен.

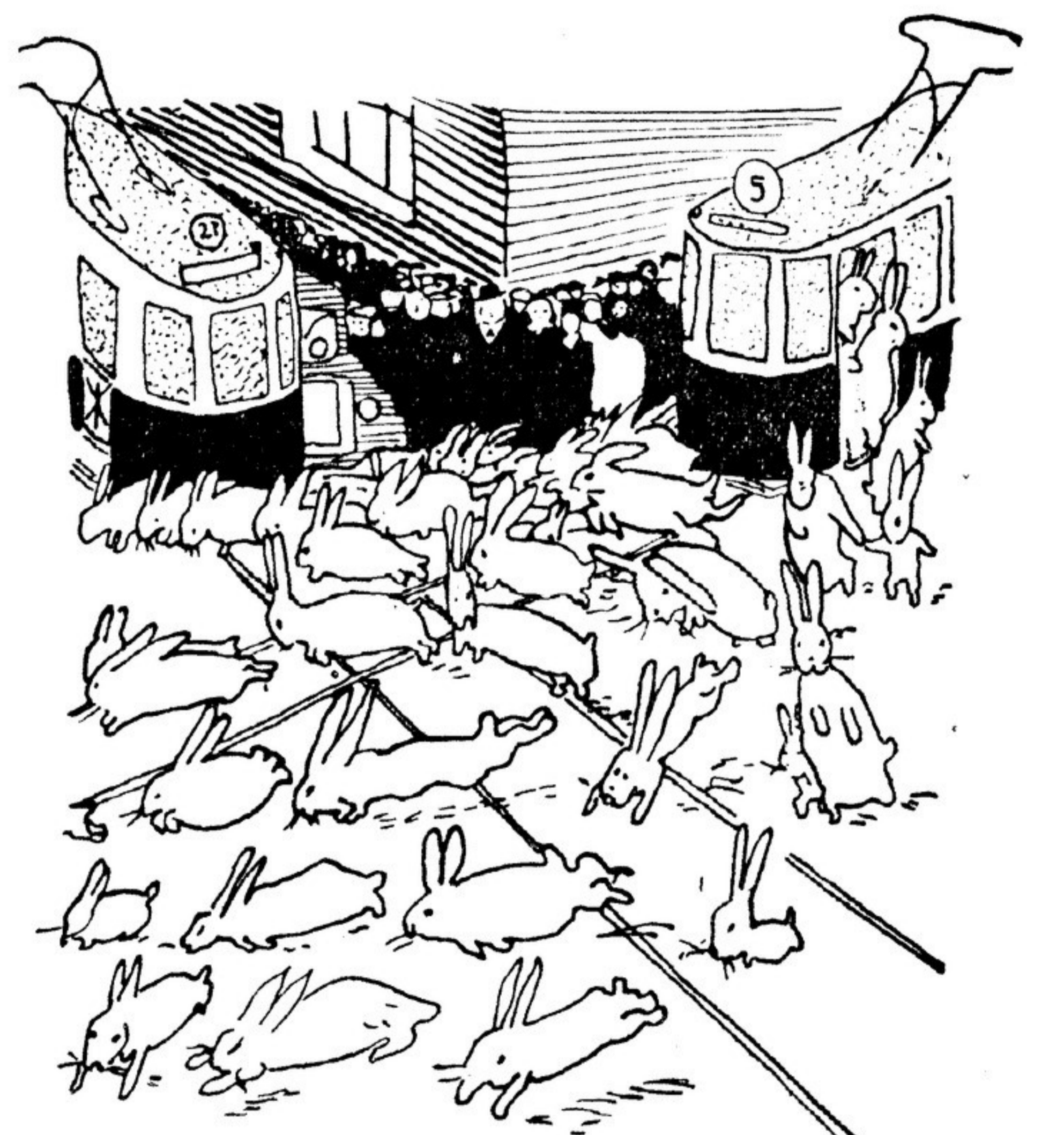
Конструкция лирического стихотворения не стремится скрыть за непрозрачными стенками, «кожухом», прерывистость, неровность, полчасе даже перебивают своего диктанта. Самая задача лирика — раскрыть затененное, сделать стенки прозрачными.

В первом варианте «Гулливера» (рукосоплом) читает: И снова Гулливер стоит, сутулясь, Пасмом на тучу тучко опершись.

Во втором (где лирику удалась добиться прозрачности стишка): И снова, Гулливер. Стоит. Сутулясь. Плечом. На тучу. Тяжко. Опершись.

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

«Мальчик наоборот» А. Барто выходит в Детском издательстве при ЦК ВЛКСМ с иллюстрациями худ. А. Каневского

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

С. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Поет бросил шесть горюющих толчек на четыре строки, и стихотворение остановилось, точно врытое в землю.

Конструкция лирического стихотворения не стремится скрыть за непрозрачными стенками, «кожухом», прерывистость, неровность, полчасе даже перебивают своего диктанта.

В первом варианте «Гулливера» (рукосоплом) читает: И снова Гулливер стоит, сутулясь, Пасмом на тучу тучко опершись.

Во втором (где лирику удалась добиться прозрачности стишка): И снова, Гулливер. Стоит. Сутулясь. Плечом. На тучу. Тяжко. Опершись.

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

Не видно пока и какой бы то ни было системы в публикации материалов. Связного представления о каких-либо литературных процессах участия кружка — читатель этих номеров журнала — не получает.

отрывается от него и начинает свой бег — «сквозь мертвые Души и Мертвые Дома». Второе стихотворение цикла совершает свой маршрут «по мостам, столетиям, верстам...»

Над роком. Над рокомотом траурных маршей. Над конским затравленным скоком.

Предпоследнее: Смычка. Смычка. Метель. И опять В очи кинуть версты и сги. Путь далекий.

И наконец заключительная пьеса цикла «Пена» — движется, как это предкавказье уже самое загадочное. Следующий цикл — «Голосский Бульвар». Начинается за ступой бронзовой спиной Гогеля.

Глибы за верстами версты. Глибы и сгинули. Стоп. Далее небольшая группа стихов, озаглавленная «Война». Война воспринимается поэтом как бессмысленное, но бесзастойное движение вперед.

Следующий цикл — «Занавес». Здесь образы движутся как бы по «крутому бульвару» меняя страны и города. Любопытно, что даже оставшаяся в городе, поэт-турист интересуется только движущимися предметами или теми из них, которые привнесены его мыслью в движение.

У Антокольского нет почти ни одного стихотворения, предлагающего читателю глубокого спокойного кресла, а глазами его — неподвижный пейзаж за окном или дотягивающие углы камина.

тательства СССР, он поднимает в глубине на поверхность и может говорить. Стелетя мной географий Решили себя не беречь, Расслабились в буквенный гравий И склялись в газетную речь.

Уже за пределами сборника, в отдельном издании, поэме «Станция Вилон» (Лит., 1934), мы находим историю «Станционного школьника». Прежде чем ее начать рассказывать текст, о ней оповестит рюнок на обложке (слепая самость поэтом); странник, перебрисав за плечо посох с подвязанным к нему узелком, идет прямо на зрителя.

Вспомогательным персонажем является герой романа Демьянский. Круковский развенчивает и героя повести Словоцкого «Кордиан», представляя Кордиана не романтичным героем, а мелким эгоистичным шпиком.

Едва ли более отвечает задачам литературно-творческой учебы и другие работы, опубликованные в журнале.

Не видно пока и какой бы то ни было системы в публикации материалов. Связного представления о каких-либо литературных процессах участия кружка — читатель этих номеров журнала — не получает.

В единственном номере для нашей периодики отделе «По литературе» даны интересные разборы творчества начинающих писателей (статьи К. Горбунова, А. Сурикова, М. Голубиной и др.).

Надо думать, что следующие книжки журнала представят больший интерес для начинающих писателей и для руководителей литературных кружков. Нельзя забывать, что в системе учебно-воспитательной работы с молодыми писателями журнал «Литературная учеба» должен играть важнейшую роль.

Книга на пленке, «Как Мишка большим медведем стал» Е. Чуринина

ПУТИ РАЗВИТИЯ БУРЯТО-МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. ЗАНДАНОВ

«В огне» А. Барбюса готовится к печати в издательстве «Академия». Иллюстрация худ. А. Дейнова.

ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ

Вышедшая в издании «Academia» книга А. Н. Лозановой * представляет собой научно-художественный интерес. Помещенные в книге песни и сказания о Разине и Пугачеве являются интереснейшими фольклорными памятниками о крестьянских восстаниях XVII и XVIII столетий. Они ярко отражают то, как воспринимались и осмысливались на протяжении двух веков классовые бои и столкновения в различных слоях крестьянства, казачества и мяснства крепостной России.

Благодаря работе, проделанной т. Лозановой, рассказанная в систематизированной виде расписанные по старым изданиям и сборникам фольклора песни и сказания о Разине и Пугачеве, а также записанной ряд новых интересных материалов, мы имеем возможность ознакомиться с полнейшим народным крестьянским творчеством, где революционная деятельность вождей крестьянских восстаний дается в теснейшей связи с восставшим народом, на широком фоне, рисующем разные стороны классовой борьбы феодально-крепостнической России.

Песни и сказания наглядно убеждают, каким важнейшим социальным фактором являлся фольклор и какую огромную роль играл он как выразитель гнева и протеста угнетенных классов.

В одной из песен о походе Степана Разина, публикуемой в сборнике, исключительно ярко дана встреча восставших с представителем царской власти — астраханским губернатором. Замечательно ярко образ Разина бурлацкий песни: Степан-батюшка Ходит бережком.

* «Acad» Moskau, 1935 г. Серия «Фольклор», под общей редакцией проф. Ю. М. Соколова.

Зовут детушек Голых, бедных. Вы сядете же ко мне, Кто в нужде и труде. Соберитесь скорей, Слез горькая Глаза выела. На Русь уж давно Правды нетути. Одна кривдушка Ходит по свету.

Следующий цикл песни о Пугачеве возник в народных массах, как правильно указывает т. Лозанова, в тесной связи и на основе разностороннего репертуара. Песни о Пугачеве, несомненно, являются устно-поэтическим оформлением той тесной внутренней связи движения Разина с движением Пугачева, которая осознается крестьянской массой.

Обобщение в книге национальные фольклорные тексты проливают новый свет и дают интересные данные о том, какое участие, которое принимало в освободительной борьбе вместе с русским национально-крестьянством во время этих двух крупнейших восстаний (песни и легенды о вождях восставших башир Салават Юлаеве и др.).

Песни и сказания о Разине и Пугачеве являются записанное недавно среднестатистическое население Поволжья легенды, в которой рассказывается, как пугачевцы расправлялись с помещиками.

Вступительная статья т. Лозановой написана живым языком. Ценность ее прежде всего состоит в том, что автор правильно развивает свою основную мысль о том, что фольклор является иррациональным выражением общественного сознания масс, он демократичен, во имя чего три массы, к чему они стремились, почему не останавливались ни перед какими жертвами.

Ю. САМАРИН.

В 1925 г. на страницах национальной газеты «Бурят-Монгол Уриан» появляются первые стихи начинающего тогда поэта Хоа Намсарева выходя из среды хороших степняков-скотоводов. Немного спустя в этой же газете мы читаем стихи молодого Дашин-Нимаева. На смерть Ленина, «Смычка» и др. Буряты, читатели «Бурят-Монгол Уриан», это по-прежнему национальная поэзия в форме и социалистической по содержанию культуры, с огромным вниманием и интересом прочитывали стихи Хоа Намсарева и Дашин-Нимаева. Появление печатных стихов на родном бурятском языке было совершенно новым явлением в многовековой трудной жизни бурят-монголов. Национальные поэты, певцы впервые узнали, что они могут свои произведения распространять не только путем устной передачи или, в лучшем случае, в рукописной форме, но и могут печататься в газетах, книгах. Первые срочные выступления Намсарева и Дашин-Нимаева в печати, таким образом, открыли широкую дорогу развитию национальной бурятско-монгольской поэзии. В дальнейшем из года в год появляются все новые и новые имена начинающих поэтов и писателей в лице Баасаена Абидуева, Бато Бааорова, Ц. Дондубова, А. Шапаева, Жамьяна Балданжапова, Долына Мадасова и других, которые раз навсегда укоренили в бурятском народе искусство стихов и прозу на родном бурятском языке. Так началась бурятско-монгольская молодая советская поэзия.

Трудностей на путях возникновения и развития интернациональной по содержанию и национальной по форме литературы было немало. Отсутствие литературного наследства, на которое можно было бы учиться, отсутствие разработанной теории, технологии национально-литературного творчества, отсутствие единого бурятско-монгольского литературного языка крайне затрудняли (и затрудняют) творческий размах молодых поэтов и прозаиков. К этим трудностям надо еще добавит отсутствие единой национальной письменности. В этом отношении восточная часть Бурятско-Монголия была в наиболее выгодных условиях, ибо там была распространена письменность в форме национальном и языковом отношении соседней Монголии. Что же касается западной части Бурятско-Монголии, то здесь грамота распространялась на русской письменности, которая далеко не приспособлена к изложению бурятских текстов. Не случайно поэтому основоположниками новой, советской литературы явились выходцы из восточных аймаков Бурятии, которые были в лучших условиях не только в отношении письменности, но и в том, что язык в этих аймаках наиболее сохранился в своей национальной чистоте. Не эти, вышедшие из западных аймаков, преимущественно в пиджаче и шапке, бурятские писатели. Писал на русском языке самый старый поэт Бурятии Солбоное Туя, затем Дари Хултухун, Мунко-Саргас, Геннадий Дугоур, Алексей Уланов и др.

Культурная отсталость, распешенность Бурятско-Монголии в силу колониальной политики царизма создала нездоровые настроения в некоторых кругах национальной интеллигенции. Одна часть старобурятской интеллигенции выступила против своей национальной культуры, утверждая, что Бурятия не является национальной, что она уже вступила на путь бесперспективной ассимиляции. Поэтому она требовала полного отказа от национальной культуры и приобщения к русской культуре. Другая же часть интеллигенции, настроенная патристическим духом, проповедовала новую религию нехристианского использования буддийско-ламайского шаманского искусства. Указывая на

буддийские дацаны (монастыри), ламанские молитвы и ваклинии. Она говорила: вот где настоящее национальное искусство, из которого вы должны исходить. Учение анималистического построения, среди масс, спортивное, работы дам, шаманов эти горестности рассматривали как явное отрицательное отношение к развитию национальному искусству. Молодая советская интеллигенция под руководством партийной организации решительно отвергла эти оппортунистические, контрреволюционные установки. Но считать, что опасность этих уклонов снята окончательно, конечно, нельзя. Реалисты могут быть. Большинство готовность дать отпор маленьким проявлениям того или иного уклона, дающих быть безудержным авторитаризму в развитии национально-культурного строительства, в частности литературы.

Примерно за десять лет, с момента возникновения литературы, молодыми писателями Бурятии написано и издано несколько десятков произведений и сборников. Хорошо или плохо, но основа литературы заложена, пути намечены.

Исходной точкой, откуда наши молодые писатели начали развивать свою литературу, деятельность, должно быть, послужило искусство устного творчества народа. Иначе и не могло быть. Многочисленные эпические поэмы, как «Аллажи-Мерген», «Харатур Мерген», «Шоно батор» и целый ряд других были, содержащих в себе по несколько тысяч стихотворных строк (Герес Богдолом состоит из 10.500 строк), сотни и тысячи прекрасных сказок, легенд, песен, пословиц, поговорок и т. д. Подказывая нашим молодым писателям, что бурятский язык достаточно богат и содержит в себе великие возможности, чтобы создать на нем высокохудожественную литературу. Об этом говорили также прекрасные поперелюбовые народные песни, частушки, посвященные Октябрьу, с большим чувством воспевавшие великие имена Ленина и Сталина. Устное творчество народа не только говорило о великих творческих возможностях, таившихся в родном бурятском языке, но давало богатейшие материалы для творческой учебы наших писателей. Именно с критического изучения и использования «того» полнейшего народного творчества (Ленин) начали советские бурятско-монгольские писатели в М. АССР. Это обстоятельство почти во всех произведениях наших писателей. Наиболее ранние стихи Намсарева отзвучивают в основном восточными пословицами и поговорками. В стиле эпических поэм «Харатур Мерген» и «Шоно батор» (о победе), в последней поэме батюшка Октябрь женится на красивой Революции. Об совместной жизни которых рождается прелестьная дочка — Бурятско-Монгольская республика. Конечно, это неправильный упрощенный образ. Но он является весьма интересным поучительным фактом, говорящим о стремлении поэта копировать в своем творчестве народный эпос.

Надо подчеркнуть здесь, что уровень общей культуры и литературного мастерства наших писателей крайне низок. Надо учиться мастерству и учиться самым упорным образом. Здесь не обойтись, конечно, без глубокого изучения произведений русских и мировых классиков, без хорошего знания произведений великих писателей СССР. Это необходимо, чтобы не ступил все писатели в одну линию — делать «другое». Правда, есть попытки подражать современными русскими писателями, но эти подражания носят часто эпизодический характер, без систематичес-

кого знания произведения, литературных приемов творческого автора. Для изучения форм, содержания произведений и литературных приемов великих писателей бурятско-монгольской литературы. Пока что переводы «Матек» Фурманова (Солбоное Туя), Горького (Фердинанд), «Мать» (Фердинанд), «Тихий Дон» (Фердинанд). Этими же товарищами переводил целый ряд других мелких вещей и отрывков. Надо сказать, что товарищи, занимающиеся переводами, в первую очередь своим творчеством, за последние годы значительно выросли и превзошли остальных писателей в смысле мастерства.

Проблема заимствования литературных форм, жанров, приемов из опыта мировой литературы для обогащения и развития национальной литературы требует исключительно творческого подхода и умелого разрешения.

Интересны опыты, проделанные поэтом Дашин-Нимаевым в области перевода с тюркской системы бурятского стихосложения на метрическую систему. Дашин-Нимаевым написаны имбуем уже несколько стихов («Товон», «Совет», «Арашуров»), переведено несколько стихов Пушкина, Лермонтова, написанные хором и имбуем. Оказалось, метрическая система вполне отвечает характеру бурятского языка. Но перед Дашин-Нимаевым встал другой вопрос, — перенесены ли ритмы с начала слов или строк на окончания (не бурятские стихи рифмуются в начале строк). Насколько этот опыт удастся, трудно сказать.

Художественная литература советской Бурятии только-только выходит из пеленок и робкими движениями учится ходить. Запас слов этого языка во два раза в день увеличивается. Ребенок здоровый и многообещающий. Об этом говорят вышедшие с момента первого съезда писателей Бурятско-Монголии «Вестник республики», «Поэты Бурятии», повести: «Замеменные думы» и «Брызны» Дондубова, «Ириен» Солбоное Туя, «Циримилл Намсарева, детская пьеса Шапаева «Амба», поэма «Юриж» Номтоева, поэма Маханаева и др.

Наряду с изучением национально-фольклора, произведений классиков мировой литературы, повышение уровня культуры, социально-экономических, исторических и философских знаний писателям Бурятско-Монголии необходимо знать нашу современную действительность, знать процесс производства на заводах, колхозах и колхозах, знать все, чем живут, дышат рабочие, колхозники и наша советская интеллигенция, следить за процессом перевоспитания масс в духе социализма.

Между дореволюционной и современной Бурятия образовалась огромная дистанция. В прошлом вымиравшая Бурятия ныне благодаря развитию национальной политики, благодаря гениальному руководству т. Сталина превратилась на базе индустриализации и коллективизации в цветущую страну. Грамотность населения с 7 проц. до революции возросла до 67 проц. Социально-экономические и культурные связи резко изменили сознание бурятско-монгольской интеллигенции, религиозно- и ариархичного скотовода, мелкого собственника выработалась новый социалистический трудящийся. Мы политически пережили эпоху великого социалистического переворота человека и человечества.

Подняться на уровень нашей чудесной жизни, жить произведениями, достойные своей эпохи, своей великой социалистической родины, — вот за что должны бороться молодые литераторы молодой Бурятско-Монгольской республики.

Подняться на уровень нашей чудесной жизни, жить произведениями, достойные своей эпохи, своей великой социалистической родины, — вот за что должны бороться молодые литераторы молодой Бурятско-Монгольской республики.

3 А Р У Б Е Ж О М К О Н К У Р С «НЬЮ МЕССЕС»

Революционный журнал «Нью мессес» и издательство «Джон Дей компани» организуют конкурс на лучшую повесть в жизни пролетариата. Премия была присуждена Кларе Изерворк за повесть «Марш, марш» («Clara Weatherwax, «Marching, Marching»).

Алан Кармер, член жюри конкурса, дает в «Нью мессес» обзор поступивших в жюри рукописей — их было прислано более 90 со всех концов США. В конкурсе не принимал участия ни один революционный писатель с именем. Повти никто из участников конкурса еще ни где не печатался.

Кармер находит, что в большинстве произведений авторы обнаруживают тенденцию писать лозунгами, проповедывать читателю, вместо того чтобы воздействовать на него средствами художественного прозаического. Кармер призывает начинающих пролетарских писателей учиться у лучших писателей современности.

Несколько произведений (помимо заслуживающего премию) подлежат опубликованию, из них наиболее интересным Кармер считает повесть молодого рабочего пролетариата, который описывает свое детство и условия работы в текстильной промышленности в штате Массачусеттс.

Что касается Клары Изерворк, получившей премию, то Кармер находит у нее несомненное дарование. В ее повести изображена стачка рабочих лесной промышленности. Настоящий конкурс, выявивший по меньшей мере два молодых таланта, по своему значению сильно отличается от обычных литературных конкурсов. Клара Изерворк пишет в своем письме в редакцию «Нью мессес»: «Премия для меня больше, чем личная радость, она означает собой ответственность перед рабочим классом и я постараюсь быть достойной этой ответственности».

она, выпала пресловутая буржуазия, отдал себе хоть какой-нибудь откуп в том, сколько выигранного огня, в личной и имущественно потребности для того, чтобы удержаться в мире зашторенного дня? Неужели, милейший Бруссон, мы живем одна на земле, и мы не видим ничего, кроме своих книг?»

Нобелистическая и статья известности критика Бенджамина Крюме в «Мариэтте» от 18 сентября. Крюме не довольна присутствовать на похоронах Барбюса, он видел их только на экране маленького «медлобуржуазного» кино. Первое, что он отмечает, это глубокий, напряженный тишину зала. «Это была та тишина, которая в театре свидетельствует о высшей степени возлорованности зрителя». Когда же этому зрителю, вошедшему на похороны Барбюса, показали Муссолини, перед которым фашистская молодежь демонстрирует упражнения с пистолетом, в зале раздается свист и послышалось возглас: «Жалькие идиоты».

«Мне показали лишь то, что сочли нужным показать», — говорит Крюме, — но и этого было более чем достаточно. Сколько их было, тех, кто шел за гробом Барбюса или стоял на тротуарах, полных рук, скатуку в кулак, — двести тысяч, сто, пятьдесят? Не все ли равно. Существует народ и существует толпа. Каждому понятно, что разница тут не в численности, а в качестве чувства, побуждающего идти, и в степени возлорованности. 14 июля этого года на улицах Парижа, между Бастилией и Венсен, был народ. И он же шел за гробом Барбюса. «Кто из умерших писателей за последние сто лет Париж почил народными похоронами?» — спрашивает Крюме. «Троих», — отвечает он на свой вопрос. «Бенямемена Констан — за то, что тот восстал против Наполеона во имя либерализма; Золя — за то, что тот восстал против генерального штаба и политиканов; Барбюса — за то, что он восстал против войны. А похороны Виктора Гюго? — спросит меня. То были похороны государственные, а государственные и народные — это вещи разные».

«Эта Антология свидетельствует о том, что в последние шестидесять лет в СССР развивалось очень богатое литературное движение. Литература СССР оставляет впечатление силы и стремительности, очень близкая к реальной жизни. Эта литература полна интенсивной жизни, непосредственных чувств и сильных страстей, характерных для молодых народов», — пишет по поводу Антологии журнала

«Нью мессес» и статья известности критика Бенджамина Крюме в «Мариэтте» от 18 сентября. Крюме не довольна присутствовать на похоронах Барбюса, он видел их только на экране маленького «медлобуржуазного» кино. Первое, что он отмечает, это глубокий, напряженный тишину зала. «Это была та тишина, которая в театре свидетельствует о высшей степени возлорованности зрителя». Когда же этому зрителю, вошедшему на похороны Барбюса, показали Муссолини, перед которым фашистская молодежь демонстрирует упражнения с пистолетом, в зале раздается свист и послышалось возглас: «Жалькие идиоты».

АНТОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во Франции, в издательстве «Пульвер Ревио Франсес», вышла Антология советской литературы. Она включает отрывки из произведений сорока советских писателей: Фадеева, Бабеля, Гладкова, Пильняка, Пастернака и др.

«Эта Антология свидетельствует о том, что в последние шестидесять лет в СССР развивалось очень богатое литературное движение. Литература СССР оставляет впечатление силы и стремительности, очень близкая к реальной жизни. Эта литература полна интенсивной жизни, непосредственных чувств и сильных страстей, характерных для молодых народов», — пишет по поводу Антологии журнала

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Интерес к советской литературе в Чехословакии очень велик. Количество переводов советских писателей все время увеличивается. Помимо уже вышедшего ряда советских произведений в ближайшее время выйдут «Стихотворения» В. Пастернака и «Антология советских стихотворений» первой пятилетки.

В издательстве Карла Борщского в Праге выйдут: «Стенка Разина» Чаптыгина (3 тома) и «Бродяги» того же автора, «Тихий Дон» и «Полтава» Федина М. П. Шолохова, «Человек бегит по свету» Вагнера и «Герой воздуха» — о советских летчиках.

В издательстве «Одеон» выйдут: «Не переводы дышали» И. Эрбенхота, «Стюцки» А. Авденко, «Человек меняет кожу» В. Ясенского.

В издательстве «Сфинкс» выйдут В. Иванов, Пильняка, Ясенский и др.

КАК ИЗДАВАТЬ МАЯКОВСКОГО

Когда после смерти Владимира Маяковского перед его друзьями и товарищами по работе встал вопрос об издании его полного собрания сочинений, это был прежде всего вопрос о том, как нужно издавать первого великого советского поэта.

Традиция и шаблоны тут много, однако вековой опыт всевозможных изданий старых и древнейших классиков требовал самого осторожного своего применения к литературному наследству поэта-революционера. Даже самая терминология, принятая у литературоведов-текстологов, — зашифрованный такой сложной термины, как «канонический текст» — в применении к стихам Маяковского, который всю свою жизнь боролся против всех и всяческих канонов в литературе, для которого это слово было синонимом всего косного и мертвого, что нужно выбрасывать и убирать с пути новой поэзии, — даже эта самая вполне понятная терминология должна была вызывать здесь понятные сомнения.

Что же должны были делать редакторы и комментаторы Маяковского? Не делать из стихов Маяковского титанического академического здания, перегруженного комментариями и различными рассуждениями «по поводу» и интересного только для специалистов-адвизиорусов. Не называть Маяковского как некоего «древнесоветского поэта», классическое наследие которого целиком уже принадлежит истории.

Самой внешностью издания, типом и характером комментариев не адекватно и не отговаривать в прошлом стихов Маяковского — поэта, который так вглядывал в будущее и столько работал для него.

При всем огромном значении места Маяковского в истории литературы, в частности истории советской поэзии, одну из самых блестящих страниц которой он займет, — далеко еще не настало то время, когда стихи его можно рассматривать только как «старое, но грозное оружие».

Поэзия Маяковского жива и сегодня, стихи и поэмы его и сегодня — стихи, полновесное живое поэтическое слово, обращенное к живым людям а не только материал для исторической литературы, но только замечательные образцы для учащихся поэтов, и лишь тогда, когда в них не хватает для комментария.

когда после смерти Владимира Маяковского перед его друзьями и товарищами по работе встал вопрос об издании его полного собрания сочинений, это был прежде всего вопрос о том, как нужно издавать первого великого советского поэта.

Традиция и шаблоны тут много, однако вековой опыт всевозможных изданий старых и древнейших классиков требовал самого осторожного своего применения к литературному наследству поэта-революционера. Даже самая терминология, принятая у литературоведов-текстологов, — зашифрованный такой сложной термины, как «канонический текст» — в применении к стихам Маяковского, который всю свою жизнь боролся против всех и всяческих канонов в литературе, для которого это слово было синонимом всего косного и мертвого, что нужно выбрасывать и убирать с пути новой поэзии, — даже эта самая вполне понятная терминология должна была вызывать здесь понятные сомнения.

Что же должны были делать редакторы и комментаторы Маяковского? Не делать из стихов Маяковского титанического академического здания, перегруженного комментариями и различными рассуждениями «по поводу» и интересного только для специалистов-адвизиорусов. Не называть Маяковского как некоего «древнесоветского поэта», классическое наследие которого целиком уже принадлежит истории.

Самой внешностью издания, типом и характером комментариев не адекватно и не отговаривать в прошлом стихов Маяковского — поэта, который так вглядывал в будущее и столько работал для него.

При всем огромном значении места Маяковского в истории литературы, в частности истории советской поэзии, одну из самых блестящих страниц которой он займет, — далеко еще не настало то время, когда стихи его можно рассматривать только как «старое, но грозное оружие».

Поэзия Маяковского жива и сегодня, стихи и поэмы его и сегодня — стихи, полновесное живое поэтическое слово, обращенное к живым людям а не только материал для исторической литературы, но только замечательные образцы для учащихся поэтов, и лишь тогда, когда в них не хватает для комментария.

собрание сочинений. И не так уж он стар, чтобы без явной натуры.

Недавно в девятой книге «Красной нивы» появилась статья А. Дымшица о том, «как издается Маяковский». Автор этой статьи подпадает к новому изданию Маяковского не как критик, не как критик, не как исследователь, а главным образом как специалист-комментатор.

Дымшиц недоволен прежде всего тем, что Маяковский издается не так, как у нас учились называть классическое наследие, так сказать, «достижения в этой области». Мало комментариев «реальных, историко-литературных, текстологических». Кое-где он даже обнаруживает текстологическую немоту. К одному тому же прилагает статью, в другом же в одном это биография, в другом нет и т. д.

Кое-что можно было бы по пунктам объяснить Дымшицу, но прежде всего важно договориться об основах. Дымшицу, видно, и в голову не приходило, что издавать классическое наследие, издавать не так, как издавали «вечные гении пролетариата» прошлого? Ему нравится, например, как издан был недавно Рылев, и он ставит работу Ю. Оксману по комментированию Рылева в пример редактору Маяковского. Спасибо за конкретное указание. Но разве можно сравнивать эти два издания по задачам, которые стоят перед ними? Разве можно сравнивать стихи Рылева, которые сегодня представляют только исторический и историко-литературный интерес, с поэзией Маяковского, адресованной к грядущим поколениям? Разным читателям адресованы сегодня издания этих поэтов, и это первое, что должно определить принципы редакторской работы над ними. При всех разных условиях Маяковский имеет перед древними классиками одно существенное преимущество — он современный поэт, и читать его прежде всего это преимущество «академическим» изданием и академическим подходом было бы неправильно и по отношению к Маяковскому и по отношению к его живым читателям.

Но Дымшиц не только не задает себе этих вопросов, но и не пытается даже задуматься — почему Маяковский издается именно так, как он издается. Он просто формально сравнивает то, что у него перед глазами, с

вопреки обобщенным образом идеального препарированного классика. И там, где видит несоответствие, видит «недостаток». А это может как раз и быть достоинством... К тому же зарекомендованное редакторами.

Вели бы Дымшиц поставил перед собой и сумел правильно ответить на первый принципиальный вопрос — как нужно издать Маяковского? Он ставит, он, возможно, полагает бы и поставил бы, например, что даже внутри издания в отдельных томах объем и характер комментариев может меняться, и ничто странного в этом нет. Такие вещи, как «Ленин» и «Хорошо» или «Во весь голос», требуют минимальных примечаний, с другой стороны, дореволюционное творчество Маяковского — более серьезных и обстоятельных историко-литературных комментариев. И не надо даже объяснять — почему.

То же и с биографией. Биография «Мастер и Буф» в трех томах — III тому, представляет несомненный интерес. В ней 65 справок о статьях, рецензиях и диспутах, которые вызвала пьеса. Появление же такой крупной вещи Маяковского, как «Ленин», имело в критике очень значительные отклики. Биографическая Маяковского зарегистрированы пока четыре журнальные рецензии. Нужно ли их печатать отдельным сборником, тем более что она все равно должна войти в общую библиографию в значительном объеме? По существу, упреки Димшица в отсутствии библиографии к VI тому должны быть отклонены не в редакции, а в критике.

Равным образом и нашей критике должны быть адресованы и благие пожелания нашего комментатора о хороших статьях к каждому тому. Спору тут не о чем, но это совсем не так «обобщенное», как думает Димшиц. Также ничего странного не случится, если в одном томе будет хорошая вступительная статья, а в другом не будет никакой.

Мы вовсе не собираемся утверждать, что новое издание Маяковского свободно от ошибок и недостатков. Конечно, нет! И редакция будет благодарна за каждую конкретную поправку, за каждое серьезное замечание.

Но вот, в частности, какие конкретные поправки делает нам Димшиц из барского плеча последних достижений текстологической науки. Димшиц указывает на ошибку ре-

дактора VI тома, который в своих комментариях допустил в 1934 году существование ВСНХ. В 1934 году — и в других ВСНХ! Комментарии строки Маяковского «Живу в домах Стахеева и, теперь — ВСНХ», редактор, видимо, объясняет был напомнить читателю, что теперь, в 1934 году, когда подписывается к печати этот том, ВСНХ уже нет, а есть Наркомтяжпром, Наркомэлектро и Наркомлеспром, и даже для точности указать, к какому именно наркомату перешли тома были. Стахеева, бывший ВСНХ, по Лубянского проекту № 3. Вот это было бы комментарием!

Не лучше ли познакомиться с Димшица и с другим его конкретным указанием. Димшицу не понравились краткие редакторские вступления к «Ленину» и «Хорошо». Почему? Потому что В. Катанян (редактор этого тома), как утверждает Димшиц, «усуевает подпугивать даже в небольшой вступительной заметке».

«Так вот, например, — пишет Димшиц, — во введении к «Хорошо» он (редактор) поперно оценивает одну из социально-значительных эпических поэм, посвященную встрече и разговоры с Блоком, как законную в «спирале личных ассоциаций» и ввеленную для перебивки планов».

К сожалению, «успех подпугивать» тут Димшица, а не я. То, что называлось у комментаторов — «сплох» читателя в текст: в краткой вступительной заметке, о которой идет речь, нет ни одной моей строки; так или иначе оцениваются поэмы, а то, что Димшиц приводит как мои слова, на самом деле принадлежат Маяковскому. Как говорит ученый, читатель! При чем есть все типичные признаки цитаты — кавычки и ссылка на то место, откуда она взята (см. т. VI, стр. 106).

Мы могли бы, конечно, по существу возразить Димшицу за Маяковского и за эту цитату, но вряд ли это нужно. Он возел и не соглашается с Маяковским, пусть только вперед прямо пишет: так, мол, думает Маяковский, а так вот я. Димшиц, Толковый читатель сам разберется — кто «подпугивает».

Таким в общем и в некоторых частностях рассуждения и замечания Димшица о том, «как издается Маяковский». Рассуждения — неверные, замечания — путанные. В. КАТАНЯН.

«В огне» А. Барбюса готовится к печати в издательстве «Академия». Иллюстрация худ. А. Дейнова.

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Моя новая пьеса называется «Начало жизни». Это не только начало жизни героев, но это начало жизни страны и того поколения, воспитанного партией и комсомолом...

(Некутный закрывает лицо руками и сидит неподвижный, как каменное изваяние. Возгуд плечи его начинают дрожать. Возможно, что он плачет. Слышен голос девушки):

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ

Действие четвертое

Молодой туман рассвета еще лежит над землей. Еще глядится в зеркальные озера луны опаленные невидимым солнцем прозрачные тучки. Еще журчат ручьики после ночного ливня. Еще вьются роса над лиственными деревьями расщепленного сада...

МАДЫКА. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

ГЛУХИЙ. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

МАДЫКА. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

ВАРВАРА (медленно читает). ...а что, что она не подержала меня на заседании парткома. Ее голос решил все. Если б она присоединилась ко мне... (Сгасло сидит, вырвав из рук письмо).

ВАРВАРА (медленно читает). ...а что, что она не подержала меня на заседании парткома. Ее голос решил все. Если б она присоединилась ко мне... (Сгасло сидит, вырвав из рук письмо).

Московская областная выставка детского изобразительного искусства. Воропаев (Тупский район) «Игра в шашки».

ВЫСТАВКА ДЕТСКОГО РИСУНКА

После «От двух до пяти» Корней Чуковский мы внимательно прислушиваемся к «летим желанием» детей и встречаемся порою с удивительными образами детского словотворчества. Международная выставка детского рисунка в Москве и ряд аналогичных выставок открыли удивительнейшую область детского искусства — рисунок.

Гей на гори огонь горит, а в долине козак лежит... Нефайх и Балабуя прохладит по галереи и появляются на крыльце. БАЛАБУЯ (садится на крыльце, одевает сапоги). Ну, пора... Пошли?

МАДЫКА. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

МАДЫКА. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

МАДЫКА. Я знаю, как пройти. МАДЫКА. Ничего ты не знаешь. ГЛУХИЙ. Мы возьмем оружие и пойдем вместе. НЕКУТНЫЙ. Не нужно никакого оружия. Документов у нас не будет. Мы протелеграфуем о вас в Харьков. (Входит Карнач).

Многие рисунки оставляют на себе впечатление о оригинальном подходе к сюжету, то находкой в области композиции или цвета. Почти все они интересны по сюжету. Точка зрения художника, его фантазия и творчество в рисунке, его умение выразить в цвете и линии то, что он чувствует и мыслит.

ХУДОЖНИКИ УЗБЕКИСТАНА

Выставку произведений молодых художников Узбекистана подготавливает Музей восточных культур. 60 живописных и более 200 графических работ предполагается выставить в залах музея.

Карахам. «Железная ударная бригада на стройке». Массо. 1933 г.

В последние годы ныне театральные пытались «развешать» commedia dell'arte — старинную комедию, которая возникла в Италии в XVI-XVII вв. и достигла своего расцвета в XVII-XVIII вв.

Создавать развешанные психоидеологические характеристики. Теперь же, играя в пьесе, основанной на условно-театральных положениях, они строят обобщенные образы и подчеркивают ведущую «стрелью» каждого образа: отсюда острота приемов сценической выразительности.

„КОМЕДИАНТЫ“

С. Николаев, в которой удаются своеобразное и интересное актерское дарование, играет Сильвио в трагедии Ляруссом и в то же время тонко вводит насмешку в ее сентиментальность. Очень убедительно раскрывает Н. Тополева черты ханжества — Сирене. Из участвовавших уже в «Гроше» сильно выросли И. Ононенко, который очень удались Коломбина и И. Савельев, сыгравший капитана с большим блеском. Нельзя сказать того же в В. Заходе; обладал легкостью в движениях, но тем не менее играл с напряжением и не дал много, столь необходимого в роли Криспино, трагического им почему-то неким злодеем. Из исполнявших роль второго плана короля два пары: И. Рибинский и И. Бесновал (Прокурор и Секретарь) и Д. Иминский и А. Норанин (Лаур и Рикелда). Все же в работе молодой труппы еще чувствуется незрелость; некоторым недостает ловкости в игре, многие покажут текст и т. п.

В работе над произведением Островского исполнителем приходится...

В работе над произведением Островского исполнителем приходится...

В работе над произведением Островского исполнителем приходится...

НОВЫЕ КНИГИ

советская литература

Грин, А. «Дорога никуда». Роман М. «Советский писатель», 502 стр. 7 руб.
Кирсанов, С. «Золушка». Поэма М. Гослитиздат, 124 стр., д. 3 р. 25 к.

русские классики

Горький, М. «Избранные сочинения». В 6 томах, под редакцией И. Груздева. 2-е изд. Т. 1. М., Гослитиздат, 544 стр., д. 5 р. 50 к.

оревняя русская литература

«Хрестоматия по древней русской литературе». Составил проф. Н. И. Гудин. М., Учпедгиз, 392 стр., д. 7 руб.

иностранный литература

Роллан, Р. «Собрание сочинений». Т. XVII. Л., Гослитиздат, 319 стр., д. 7 руб.

литературоведение

«Звенья». Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в.

Почажите в Москве «Пиковую даму»

Семь месяцев тому назад «Литературная газета» в связи с огромным успехом «Пиковой дамы», поставленной в Мейерхольдом в Ленинградском Малом оперном театре...

МАЛЫЙ ТЕАТР. ЗЕМЕТЧИНО

Режиссер Копалин поставил хорошую картину. Она начинается с собрания. Конечно, начало не блещет новизной, можно бы найти более оригинальную завязку...

ИСКУССТВО ЯПОНИИ

Ганку (1749—1839) «Китайский саннин, застигнутый ветром».

«МАГИСТРАЛЬ» КАРЦЕВА

«Читатель, сообщите свой отзыв на эту книгу по адресу: ...». Редкая книга, будь то роман или научно-популярный трактат, не содержит в себе побуждения к чтению...

ПОКАЖИТЕ В МОСКВЕ «ПИКОВУЮ ДАМУ»

Семь месяцев тому назад «Литературная газета» в связи с огромным успехом «Пиковой дамы», поставленной в Мейерхольдом в Ленинградском Малом оперном театре...

Музей изобразительных искусств совместно с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей открывает в начале октября выставку японской живописи и графики.

НОВАЯ ПЬЕСА «ВОССТАНИЕ ПРОФЕССОРА СОКОЛОВА» В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

Профессор Соколов с внезапной остротой и ужасом постигает, что жить-то осталось всего 5—10 лет. Сознание это парализует его волю, внушает ему отвращение к научной работе...

Так протестует старый ученый против законов природы. Он отвергает их, так как они несправедливы, но отвергает их в сущности капитализм перед ним.

В своем произведении Вильгельм Белл-Белоцерковский вводит удивительный элемент динамики — диалог. Эти элементы в полной мере присутствуют и в новой пьесе.

«ЭЛЕКТРОЗАВОД»

О многообразии не мало писателей в советской прессе. Но есть среди них газеты, которые перестают быть понятием монографии. К этой категории заводских газет надо отнести «Электростанция»...

Посетители выставки смогут познакомиться с творчеством крупнейших художников Японии. Такими родоначальниками японской реалистической школы Окио и его ученики...

НОВАЯ ПЬЕСА «ВОССТАНИЕ ПРОФЕССОРА СОКОЛОВА» В. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО

Профессор Соколов с внезапной остротой и ужасом постигает, что жить-то осталось всего 5—10 лет. Сознание это парализует его волю, внушает ему отвращение к научной работе...

Так протестует старый ученый против законов природы. Он отвергает их, так как они несправедливы, но отвергает их в сущности капитализм перед ним.

В своем произведении Вильгельм Белл-Белоцерковский вводит удивительный элемент динамики — диалог. Эти элементы в полной мере присутствуют и в новой пьесе.

«ЭЛЕКТРОЗАВОД»

О многообразии не мало писателей в советской прессе. Но есть среди них газеты, которые перестают быть понятием монографии. К этой категории заводских газет надо отнести «Электростанция»...

Иосиф Наню (начало XIX в.) «Сеннин (генри добра), переносщийся по воздуху по собственному желанию».

ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР

К 20-летию Октябрьской революции выпускается большое пятитомное издание «Две пятiletки». Одна из книг этого издания посвящается искусству творчеству народов СССР.

В свое время «Правда» обратилась к редакциям местных газет, научным и общественным организациям с призывом включиться в работу над книгой...

КНИГИ ПО АРХИТЕКТУРЕ

Издательство Всесоюзной академии архитектуры ВАСО в производство введены книги по истории русского и западноевропейского зодчества.

В «Искусстве градостроительства» среди средних веков до нового времени А. З. Брикмана дан богатый фактический материал по истории строительства городов Италии, Франции и Германии...

ПОТАЕННЫЙ АЛЬБОМ 20-40 ГОДОВ

В моем собрании книг и рукописей имеется чрезвычайно любопытный рукописный сборник стихов, не так давно приобретенный мною в книжном магазине издательства «Советский писатель».

КНИГИ ПО АРХИТЕКТУРЕ

Издательство Всесоюзной академии архитектуры ВАСО в производство введены книги по истории русского и западноевропейского зодчества.

В свое время «Правда» обратилась к редакциям местных газет, научным и общественным организациям с призывом включиться в работу над книгой...

КНИГИ ПО АРХИТЕКТУРЕ

Издательство Всесоюзной академии архитектуры ВАСО в производство введены книги по истории русского и западноевропейского зодчества.

В «Искусстве градостроительства» среди средних веков до нового времени А. З. Брикмана дан богатый фактический материал по истории строительства городов Италии, Франции и Германии...

также и эпиграму: «Книжата Замлова вонде достон ои», только не перед самим царем, а перед его бюстом в казарме. В долгие радостные Бранды говорится: «1) Зубов с другими товарищами рубил (мст государи, царю) парашинными словами: «Так рубить будем тиранов отечества, всех царей русских, 2) Докладывал стихи... и т. д.»

В этом же альбоме находятся девять неопубликованных стихотворений Ек. А. Тимашева (1798—1861). Что представляет собой Тимашев, как поэтесса? М. Азодский назвал ее «питойской поэтессой» (Соч. Н. М. Языкова, «Academia» 1934).

Что же интересного находим мы в этом альбоме? Интересны прежде всего те раночтения в стихах Пушкина, по которым можно видеть, какого же Пушкина читали современники великого поэта.

КНИГИ ПО АРХИТЕКТУРЕ

Издательство Всесоюзной академии архитектуры ВАСО в производство введены книги по истории русского и западноевропейского зодчества.

В «Искусстве градостроительства» среди средних веков до нового времени А. З. Брикмана дан богатый фактический материал по истории строительства городов Италии, Франции и Германии...

Вышел из печати и разослан подписчикам № 9 (сентябрьский) журнал НК ВК (Юно) и НК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ: Фотохроника «Молодой Гвардии», Валентина Герасимова — Характер (роман), Павел Панченко — Четыре стихотворения, А. Франк — Начало повести, Николай Островский — Рожденные бурей (роман), Александр Жаров — Крымские минувшие (стихи), Анна Караванова — Пять дней в мае Мотавалье (повесть), Эгон Эрвин Киш — Борнжак, Лев Никулин — Огиль в Париже, Петр Капица — Камбала (рассказ).

Обновление земли. Акад. П. М. Жуковский — Могучий натуралист. Народы Страны советств. Ю. А. Амазас — Две дороги, А. Локерман — Туингуская экспедиция, Т. Дубинская — Луна.

«Кадры решают все». Марк Колосов — Три портрета. По ту сторону. О. Полянина — Английское мистификация Д. Виланд — Молодые Германия, Искусство. Проф. Е. М. Браудо — Людвиг Востков, Ю. А. Амазас — Госуд. Третьяковская галерея. Книжки, журналы, газеты, М. Беккер — Илья Эрэнбург и его романы о молодежи. Гр. Киш — Наши люди и наши идеи. И. Коалов — Возлюбленный голосом. С. Гольденберг — Дружеский пародия.

Государственное Издательство «Художественная Литература» Вышел из печати и в двух раскладах подписчикам № 9 «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Литературный критик Ежемесячного журнала литературной теории, критики и истории литературы. В номере: Аляра Барбос

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ Г. Лукач — К проблеме объективности художественной формы, В. Грин — Учение Дессона о реализме, Иоганн Альбан — Творческая тема Монасса-Ванна.

КРИТИКА О. Левина — Иван Катаев, Гале Голтор — Верноподданный Генрих Манна, Леон Фейхтвангер — О смысле и бесмыслии исторического романа. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК А. Болдырев — Таджикский фольклор в литературе советского Таджикистана.

ЖИВОПИСЬ, АРХИТЕКТУРА, ЖАН-МАТЕРЬЕ — Письмо из Америки. ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЯ И. Сид — «1914», Я. Фрид — Рассказ-эссеист, Я. Фрид — Рассказ-эссеист, В. Жданов — Василий Курочкин перед судом А. Ефремина, А. Дерман — Памфлеты эмигранта.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ Н. Бельчицкий — Стихи П. А. Серополовичева, А. С. Юмор. Наш клуб.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ СОЮЗПЕЧАТИ НОВЫЙ № 27

«За Русенной» В номере: «Дюнона и Вруно» — рассказ из жизни английской школы. Материалы о французской и американской школе. «200 примеров антифашистской борьбы» компартия Германия — отрывки из книги. Путь к победе на агитационном фронте — впереди борьбы матовых хлопца и искусствоведского фельда.

Переводчик очерк об итальянской армии. Военные планы Абиссинии. К материалам дана подробная карта линий возможного наступления итальянской армии и контрнаступления абиссинских сил. Абиссинская живопись — впервые печатаются образцы абиссинского искусства. Две Борн о художниках Америки. Портреты современников — Джеймс Форд, Фелетона Уилла Ролжера (подборка). Галерея Британской научной ассоциации. Путешествие на автомобильном шоссе. Статьи из «Таймс». Записка о минувшем театральном сезоне. «Парнакская интермедия» — юмористический рассказ в переводе Вал. Степана. Служба шпарок: Наш атлас, Памятные даты, Текущий словарь.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Жургаобединение или сделайте переводом в Южурга на Москва. Подписка также принимается переводом почтой и отделениями Союзпечати. Жургаобединение.